

Евгений Жироухов Аварийная баллада

Сказал кочегар кочегару

(кочегарская баллада)

1.

— ... Товарищ, я вахту не в силах стоять... — бубнил себе под нос, положив голову на стол, машинист котла Сашка Мишин.

Среди утробного гула котельного цеха Сашкины напевы слышны были только сидевшему рядом его помощнику Желткову Петьке. Ночная смена подходила к концу, и в четыре утра на «собачьей вахте» в сон клонило неудержимо. Желткову тоже хотелось покемарить хоть с пару минут, но его должность — машинист-обходчик, а это значит, что он должен быть в постоянном движении, носиться по двенадцати отметкам четырёх котлов очереди среднего давления ГРЭС. Ну, как, примерно, матрос по мачтам и вантам парусного корабля. Следить, щупать, крутить-вертеть всякие там задвижки-вентильюшки на теле жаром пышущего, булькающего,

скрежещущего, порой по-монстровски ухающего котла высотой с десятиэтажный дом.

Когда Желтков, устроившись на работу, впервые переступил порог котельного цеха, ему в ноздри сразу впился запах огня и угольной пыли, хотя, при этом, кафельный пол цеха блестел чистотой. В глубине цеха фигурки персонала виделись уменьшенными расстоянием, высота цеха не просматривалась в сизой дымке.

Поначалу вся эта геометрическая абракадабра переплетений водопроводов, коллекторов паропроводов, короба систем углеподачи, корявые бункера угольной аэросмеси, скрежещущие змеевидной спиралью шнеки, неумолимо выгребающие из-под днища котлов лавоподобные, огнедышащие экскременты их жизнедеятельности, вся эта пирамидная громада, придуманная инженерным гением девятнадцатого века вызывала у Желткова осознание собственной неполноценности. Одних только незнакомых английских терминов сколько пришлось выучить, некоторые из которых сменный персонал, чтобы не тратить время на его произношение — диаэратор — говорили просто: та хрень на шестой отметке.

В первые недели бегал исполнять указания со схемой в руке, как какой-то «охотник на лис». Пошлёт начальник смены: беги туда-то, закрути

то-то. Ну, и несёшься — в одной руке схема, в другой — «кочерга», которой нужно крутить чугунный, двухметровый штурвал какой-нибудь задвижки. А заберёшься, запыхавшись, куда-то наверх — и сомневаешься: туда ли прибежал, куда тебя послали. А то закрутишь не ту задвижку, не на той трубе, не на той отметке... Так шандарахнет, что кисло станет на всю оставшуюся жизнь... и директору электростанции, и министру энергетики.

Через полгода, примерно, Желткову почти всё стало понятно в его должностных обязанностях. И из низшей ступени субординации — дежурный слесарь, перевели на ступень повыше — машинист-обходчик. По обязанностям — то же самое, зарплата чуть побольше и отвечаешь за дежурного слесаря, своего подчинённого, если тот закрутит что-то «не то и не там». А сам подчиняешься двум машинистам четырёх котлов, как боцманам на корабле. А, как капитану — своему начальнику смены. А тот, в свою очередь уже своим «адмиралам».

Работа — ответственная, поэтому каждый за каждого по цепочке в ответе. Поэтому к новичкам присматривались пристально и щепетильно. Алкашню отвергали сразу. К непьющим относились с подозрением. Если новичок смотрелся «не в масть» сменному персоналу, его вполне лояльными способами могли за неделю загонять так, что тот

чуть ли не бегом мчался в отдел кадров писать заявление об уходе или переводе.

Желтков посматривал краем глаза на щит управления котлами, пока Сашка Мишин в своём полусне бубнил песню про кочегаров. На щите управления стрелки приборов подрагивали в обычном режиме, лампочки, которым нужно гореть, горели, которым не нужно — не горели. Котлы за спиной урчали, точно гигантские домашние коты. «Собачья вахта» — издевательство над человеческой природой. Вся живая природа в эти часы засыпает. Даже хищники в лесу, даже охрана в банках, даже часовые у Мавзолея...

Петьке Желткову приходилось не спать и по двое суток подряд. По прежнему месту работы. Но там — адреналин кипел в крови, папироса за папиросой, и чифирь кружками. А тут в спокойствие нервов, под мерное урчание котлов — сон охватывал организм общим операционным наркозом.

Желтков помотал головой, отгоняя «сонную муху Цеце». Посмотрел вправо, в другой конец котельного цеха. Там у другого стола машиниста кемарили, сложив головы на скрещенные руки, начальник смены, инженер Серёга Ланской и дежурный слесарь Витька Пучок. Машинист котла Иван Иванович Стаханов прохаживался у своего

щита управления, часто встряхивая головой, тоже отгоняя «муху Цеце».

Иван Иванович — однофамилец героя первых пятилеток, был машинистом экстра-класса ещё со флота, когда служил на крейсере в БЧ-5. Наследник по профессии тех судовых кочегаров, которые умирали с угольной лопатой в руках перед топками корабельных котлов. Его профессионализм начальство ценило, прощало и, периодически, воспитывало, увольняя по статье за прогулы. Ну, это когда Стаханов начинал доставать всех своим лозунгом: «А пошли все на хрен, кроме товарища Сталина!». Когда же Иван Иванович менял свой лозунг на тихие слова: «Да не пью я, не пью... Пошли вы все на хрен...», — его восстанавливали на работе, меняя формулировки увольнения в трудовой книжке, чтобы тот не утратил северные надбавки. И так до следующего раза, пока Стаханов не вспоминал про «товарища Сталина».

О! Стаханов Иван Иванович и свои пятьдесят лет выглядел, как снаряд главного калибра его незабвенного крейсера.

Начальник смены Серёга Ланской, тоже случайный однофамилец исторического персонажа, перевёлся на «Севера» с подобной же должности на электростанции где-то в забайкальской Сибири. Начальником он был душевным, без командирского гонора, и больше заискивал перед работягами, чем

ими командовал. Если он чего-то и требовал, лицо его принимало выражение застенчивого паренька, вопрошающего свою девушку о взаимности в любви.

Дежурный слесарь Витёк-Пучок, рослый парняга с гривой черных вьющихся волос был горазд спать где попало в любое время суток, независимо, в ночную, в дневную, в утреннюю смену выпадало работать. Когда Пучок не спал, то расхаживал по цеху походочкой под матёрого блатаря. Приставал с шуточками и обнимашками к проходившим по цеху девчонкам-лаборанткам и прибористкам. А то и вообще, пританцовывая, уходил на первый этаж в заводскую столовку клянуть у поварих «какау». Приучить Витька к труду — стоило большого труда. И Желткову, в чью «субординацию» входил Витёк, иногда легче было сходить самому что-то там закрутить-прикрутить, исправить и наладить, чем долго уговаривать и объяснять, когда его подопечный, держа в ладонях костяшки домино, умильно улыбался и отвечал весело: «А щас доиграю... Всё пучком... Ща-а...». Витёк наслаждался свободой, только недавно освободившись из питерских «Крестов», где тянул двухлетний срок за банальную хулиганку в общежитии своей ремеслухи.

«Ну, Петь, твои проблемы, — сочувственно

проговаривал Серёга Ланской, сидя напротив Витьки тоже с костяшками домино. — Ты его воспитывай. Твой непосредственный подчинённый». И Желтков, чертыхнувшись, шёл выполнять за Пучка самую черновую работу — очищать транспортёр податчика сырого угля от сопутствующего мусора, чтобы вдруг не срезало шпильки на передаточном механизме. А потом и меняй эти шпильки опять же самому Желткову. «Ходи, Витёк!» — слышал Желтков за спиной радостный возглас начальника смены.

Когда Желтков в первые дни в котельном цехе начинал «осваивать профессию», его наставником тоже был приклатнённый паренёк. Но тот держал себя совсем в другой «картине». Демонстративно-небрежный, вялый, точно устал «от этой жизни», а плечами у него багаж фартовых удач и куча нераскрытых законом преступлений. Но тот, Андрюха хоть что-то понимал в кочегарском деле. В процессе ознакомительных походах по цеху, лазая по отметкам котлов, он впереди себя по металлическим лестницам постоянно посылал Желткова. А на площадках лестниц командовал направлением: «направо», «налево», «вперёд». Желтков внутренне усмехался, понимая ассоциации Андрюхи — но подчинялся ему без усмешки на лице. Конечно, разумеется,

Андрюха ведал, откуда к ним в кочегары пришёл Желтков.

Посёлок — не город, в посёлке чуть больше десяти тысяч проживающих. И, вполне возможно, некоторые из приятелей, родственников Андрюхи отправлены на скамью подсудимых именно Желтковым. Да, и скорее всего, что именно Желтковым. Потому что за почти три года в этих краях на девять ближайших колымских посёлков и приисков именно он был единственным «шерифом» по ведению расследований уголовных преступлений.

«Уставший от этой жизни» Андрюха вскоре уволился по неясной причине. И обязанности наставника, за неимением других кандидатур, взял на себя начальник смены Серёга Ланской. Он и учил Желткова самому сложному, самой хитрой операции в кочегарском деле — «закладывать муфеля» перед запуском котла в работу.

Запуск котла в работу как назло обычно и выпадал на «собачью вахту». В ночь, при спаде нагрузки в энергопотреблении один из котлов среднего давления «гасили». Стравливали остатки пара через ту «хрень на шестой отметке», чтобы не попала вода на машины турбинного цеха. А ранним утречком ночная смена должна была, хоть кровь из носу, запустить котёл в работу. Колыма просыпалась — и хотела начинать работать.

Муфеля — это место в машине котла, откуда по технологии недавних предков девятнадцатого века создаётся источник воспламенения. Технология ещё та, от предков. Из примитивного костерка подхватывается пламя многочисленных горелок с бьющей из их форсунок аэросмеси.

Муфель — это узкая, длинная дырка на второй отметке тела котла. Прежде, чем лезть в муфель, надо нацепить на свою каску шахтёрскую лампочку, потому что там темень, как у негра... Потом подтаскиваешь «щепочки для розжига костерка». «Щепочки» среднего размера с человеческое туловище. Потом брёвнышки по одному проталкиваешь в дыру, укладываешь на самый, что ни есть край — иначе факел не схватится, поливаешь солярой, точно каким-нибудь соусом. А уронишь брёвнышко за край муфеля — оно вниз, в мрак, как в преисподнюю. А вверх поглядишь — света шахтёрской лампочки не хватает, чтобы доглядеться до самого верха машины котла. Ползаешь по этой дыре, проталкивая или волоча за собой брёвнышки, обдираешь локти, колени, чиркая каской по потолку, и чувствуешь себя таким сперматозоидом, отягощённым наследственным заболеванием, но стремящимся выполнить свою природную задачу. Потом костерок поджигается солярочным факелом, машинист поворотом тумблера включает горелки

— и котёл загудел, пошёл. А бывает, что и не пошёл с первого, со второго раза. И надо снова «закладывать муфеля».

Ночная смена подходила к концу дерганьем минутной стрелки в циферблате на щите управления. Аврала на запуск котла не объявляли. Значит, сегодня — воскресенье, или какой-то праздник. С этим скользящим графиком работы совсем потеряешь ориентацию в днях недели и красных датах календаря.

Утренняя, пришедшая смена постепенно заполняла пространство цеха. Бодренькие, свеженькие, с прибауточками. Потом они слегка сникли в своём оптимизме, узнав, что на ночную смену запуска котла не объявляли, и, возможно, это может свалиться на их смену.

Серёга Ланской, вытянувшись, как новобранец перед командиром, передал журнал дежурств начальнику утренней смены Порошко. Тот жестом завоевателя территории расписался в журнале небрежно, точно под актом капитуляции противника.

В душевой котельного цеха на лавке безмятежно храпел Пучок. Он вострепнулся от шума вошедших, протёр глаза.

— И чо? Всё пучком? Шухеров не было?.. — И пошёл, раздевшись, под душ, чтобы обмыть своё

утомлённое работой тело.

В душевой Желтков увязал в узел свою робу для постирушки дома. Выделяемой котельщикам спецодежды, по инструкции — на месяц, от силы хватало на неделю. Желтков уже использовал все свои немодные штаны и рубашки, но за восемь месяцев кочегарства перешёл к вещам «ещё модным». И куда-зачем их хранить. Ходить в них некуда. С работы — на работу, вот и всё движение в пространстве в настоящий момент жизни. А вернёмся с «Северов» — там прибарахлимся. Супруга его срывалась очередной раз на истерику — женская порода не терпит разрухи. И когда Желтков, постирав в ванной свою робу, развешивал её на батарее, голос жены приобретал ноты авральской сирены. Почему, мол, грязь от его одежды так пачкает кафель ванной, в какой же помойке он работает...

2.

Эти разговоры семейные в нервных тонах начали возникать с того момента, когда Желтков, вернувшись как-то с очередного выезда на место происшествия, выпил на кухне глотками стакан водки и сказал категорически, мотая головой:

— Всё хватит. Я им не жонглёр статьями

уголовного кодекса. Есть пределы любым человеческим сверх возможностям. Я скоро выжгусь изнутри. Или распадусь на молекулы. Увольняюсь.

Он двое суток не был дома, в глаза песок насыпан, голова звенела колоколом. Жена остановилась с тарелкой в руках и спросила с придыханием:

— И что? И куда?.. — Потом посыпались вопросы с истеричными спазмами в голосе.

— Куда-нибудь пристроюсь... А, иначе, язва желудка обеспечена. Так уже в кишках жжёт.

Потом, несколько дней подряд супруга пыталась в тихих интонациях изменить категоризм этого решения Желткова. И тот, может быть, и успокоился бы, и продолжил бы тянуть ляжку следственной службы... Но так случилось-сочеталось, вспышки, что ли, какие на солнце были, или ещё что-то — но зашкалило кривую криминальной обстановки на его территории до верхних точек статистической отчётности.

Желтков успевал только вернуться с очередного вызова на преступление в свой кабинет, напечатать очередное постановление о возбуждении уголовного дела, выставить учётную карточку — и снова вызов, снова преступление в

одном из посёлков и приисков по его юрисдикции, которые требуется... не раскрывать — просто «оформлять и регистрировать».

Два грузовика на горном перевале врезались друг в друга, четыре трупа... Муж на почве ревности сбросился с крыши пятиэтажки... Пасынок зарезал своего отчима... Ограбили золотодобывающую установку на одном из приисков... Групповое хулиганство в общежитие... Малолетки забили насмерть бомжа в подъезде...

Возвращаясь в свой кабинет, Желтков с трудом протискивался по коридору через толпу вызванных им ранее по повесткам свидетелей, потерпевших, обвиняемых, возмущённых до стадии матросов «Потёмкина». В его сейфе уже лежало около двадцати «живых» дел, по которым процессуальные сроки тикали неумолимо, как часы, отсчитывающие время до конца Света. Желтков, пробираясь через толпу, извинялся, скороговоркой оправдывался, отмечал по ходу повестки, ругался и наиболее настырных за шиворот выпихивал из кабинета.

В его кабинет протиснулся через толпу «матросов» и начальник местного отделения милиции, осунувшийся за последние дни, с обмороженным, шелушащимся лицом.

— Петя, ну давай, что ли, Василь Григорыча подключай. Вижу, зашиваешься, ведь... Вот

комиссию какую-то из области к нам шлют... Не к добру, думаю.

Желтков, путаясь в связке ключей перед дверцей сейфа, отвечал отрывисто:

— Приезжают? Пусть приезжают, пусть посмотрят... Василь Григорьевича вызвать? Конечно, вызвать. Так он, если захочет опять окажется на больничном. Ветеран. А мне до «ветеранов» не дожить — здоровья не хватит...

— Да, Петь, — как будто, между прочим, заканчивал милицейский начальник, — в Кадыкчане сейф в универмаге раскурочили. Надо выезжать. Местный опер в машине...

Желтков опять пробиравлся через толпу персонажей уголовных дел, раздавая по пути обещания принять во внимание их «пустые хлопоты». Водитель «канарейки» и сопровождающий инспектор угрозыска посмотрели на Желткова так, будто он прямая причина лишения их тихого ужина в кругу семьи.

В кругу своей семьи Петька Желтков очень редко ужинал, обедал и завтракал. На этой приполярной территории его главной обязанностью были... Перед государством — круглосуточная работа без предъявления каких-либо претензий за свои напруги. Перед семьёй, вообще — добиться худо-бедной жилплощади, устроить сына в детсадик, а жену на работу, оставлять ползарплаты

на сберкнижке. Перед сыном, в частности — сходить с ним раз в месяц в местный клуб на детский сеанс, и раз в полгода — побродить по ближней тайге. А так всё: вжиг-вжиг- поворот, как на трассе бобслея.

Через месяц, примерно — вспышки на солнце, что ли, прекратились — волна криминала пошла на спад. Желтков уже безвылазно просиживал в своём кабинете, порой до полуночи. Печатал на убогой «Украине» процессуальные бумажки. Сам перед собой справедливо понимая, что, может быть, в этом криминальном извержении он много не раскрыл и не раскроет, но хотя бы успел оформить в полагающемся формате преступное событие.

Оторвав подушечки пальцев от клавиш печатной машинки, он прислушался к задорному смеху, доносившемуся из дежурной части милиции. Молодые сержантики, довольные своей жизнью, службой, формой и приобретёнными полномочиями весело проводили часы дежурства. Полизав кончики пальцев с выступившей из-под ногтей сукровицей, Желтков продолжал дальше стучать по клавишам. А мысли его витали отдельно от печатаемых под копирку формулировок из УК и УПК, а где-то в свободе — на свободе, где жизнь не вжиг-вжиг-бултых ... и кладбище. А такая жизнь, что не в узком профессиональном ареале обитания,

а такая жизнь: общая, раздольная, непредсказуемая наперёд. Какая-то жизнь — горизонтальная, в ширину, в объёмном кругозоре, а не узкая, вертикальная: делай карьеру, считай звёздочки на погонах и всё определено до самого кладбища. Но и в той жизни, наверное, свои неувязки, что бывает прапорщик-интендант счастливей и довольней выпавшей ему судьбой, чем генерал авиации. Жизнь должна быть безгранично объёмной во всех существующих измерениях. Жизнь должна быть неожиданной, незапланированной грядущим днём. Она же, жизнь дана нам мучительно-прекрасным подарком — эта безумно короткая жизнь...

Стоявший на столе фикус в горшке покачивал листьями в такт ударов по клавишам. Этот фикус одно время пришлось лечить от алкоголизма. В буквальном смысле, методом полной абстиненции.

По прибытию уже к конкретному месту службы, в посёлок, после расшаркивания подошвами перед областным и районным начальством Желтков «выставился», как полагается, перед новыми соратниками, офицерами поселкового отделения милиции. Выпили крепко, «по-колымски», запивая водку крепким чаем. К новому «следаку», от которого по его должности зависели показатели работы и по их должности, инспектора УГРО, БХСС, ГАИ хотели

присмотреться дотошно и поэтому «накачали» Желткова до полной отключки. А потом дружески довели до номера в местной гостинице, где ещё «на посошок». А утром Желткову было «очень плохо».

Но он вышел на работу, сидел в кабинете с мимикой мученика на лице и перебирал бумажки из сейфа. В кабинет без стука, по-свойски вошёл незнакомый жизнерадостный мужчина в большой оленьей шапке. Он снял шапку, из-за пазухи вытащил пузатую бутылку «Плиски». Ничего не говоря, только улыбаясь, наполнил всклинь стоявшие у графина два стакана.

Желтков сделал вежливые два глотка, а мужчина свой стакан выпил залпом и закусил карамелькой. Потом стал рассказывать, кто он есть такой. Он есть «профессиональный внештатник, который помогает милиции распутывать всякие запутанные дела».

В этот же день приходил знакомиться ещё один «внештатный сотрудник милиции» и на следующий — несколько таких же «друзей милиции». Все они начинали «мне сказали — ты свой мужик» и выставляли пузатую «Плиску». Желткову, в конце концов, надоело вежливо отказываться, и он просто, молча, выливал коньяк под корни фикуса. Пока «друзья милиции» отучились приходиться «знакомиться», фикус «приучился» к коньяку, пошёл в буйный рост и

даже распустил на верхушке белый бутон. Когда же коньячная подкормка закончилась, фикус захирел, листья опустились грустно, земля в горшке заплесневела. Секретарша из канцелярии сказала, что цветок погибает и взялась его реанимировать. Она обнаружила на его корнях странные, уродливые образования. Цветок долго чах — но потом приучился опять к простой воде.

Дома на ужин в сковородке была давно зажаренная, уже значительно подсохшая австралийская баранина, кастрюля остывшего пюре из сухой картошки и компот из консервированных ананасов. Непривычно богатое меню за последний период его жизни. Жена в меланхоличной задумчивости сидела на диване перед телевизором и щипала пальцами кончики своих волос. По телевизору показывали костюмный фильм про красивую жизнь в спокойной и скучной Англии. «Влюбилась, что ли, в кого?», — второстепенной мыслью подумал Желтков про жену.

Василий Григорьевич Ямчук, осуществлявший до приезда Желткова полномочия «шерифа» на этой территории, но при постоянной шефской помощи из района, ветеран, тянущий с уходом на пенсию с целью наработки максимальных надбавок, вошел утром в кабинет,

посмотрел на Желткова и спросил, не здороваясь:

— Зашились тут без меня? — и понюхал воздух, точно хомячок, вылезший из клетки в поисках семечки.

— О-о, ещё как, Василь Григорьич. Навозбуждал дел — на год вперёд. Грядёт скандал областного масштаба.

— На то ума много не надо, — мудро заметил Василий Григорьевич. — Ну, давай мне что-нибудь, займусь.

Желтков криво усмехнулся, вынул из сейфа стопку «свежих» дел, ещё не прошитых в папки. Пододвинул всю стопку «коллеге». Василий Григорьевич обычно выбирал дело, не требующее доказательств, где всё было очевидно. И на такие дела Василий Григорьевич имел свои виды. В точности, как хомячок на завалившийся где-то в углу кусочек заплесневелого сыра. Василий Григорьевич за свою службу прошёл по многим милицейским подразделениям и в конце своей карьеры ему «разрешили» поработать следователем, хоть и без юридического образования.

Кабинет у них был один на двоих. И Василий Григорьевич Ямчук предпочитал работать дома.

Утренняя смена в котельном цехе — самая неприятная смена. Начальство в белых касках вокруг мельтешит, работяги из сервисной службы энергоремонта под ногами крутятся. Самая любимая всеми смена — вторая. И тишина, и покой, и выпить в меру можно коллективом, о жизни потолковать.

За водкой обычно вызывался сбегать Витька Пучок. На собранные сменой деньги приносил полтора литра «Хошеминки», противной из риса сделанной вьетнамской водки, похмелиться после которой, как говорил Стаханов, можно только неразведённым уксусом. Но пили — другого выбора на тот исторический момент не было. И как говорил тихий, флегматичный Сашка Мишин, «Совсем, что ли, не пить? Зачем тогда работать?». И работа шла в нормальном режиме, без эксцессов, «всё пучком», как говорил Витёк. Главное было, чтобы при таких делах Серёга Ланской не «переборщил», как он сам и выражался. Ему периодически по регламенту надо было являться на доклад к дежурному инженеру станции. Если они друг перед другом мотались в резонансе, это грозило нехорошими последствиями. Если колебания совпадали — доклад проходил нормально, и благоприятная информация передавалась дальше по инстанциям Энергосистемы.

По годовым сезонам в котельном цехе самое неуютное время — поздняя осень. Холод стоит дикий, несмотря на жар работающих котлов. Это пока не затянутся льдом выбитые взрывами предыдущих аварий стёкла, вернее, дыры от них на высоких витражах лицевой стороны цеха. Пока льдом не затянутся эти щели, гуляющий по цеху колымский холод доводит до паники. Шубу-то на себя не наденешь — какой же матрос на мачте и в шубе.

Надрывней всех страдал Витёк Пучок. Прижавшись, как к родной маме, к огромному коллектору паропровода, он стонал, когда его призывали работать: «Ой, да в питерских «Крестах» мне уютней жилось». Но в эти «ледниковые периоды», когда выпадало на ночную смену «закладывать муфеля», о-о, тогда забывалось, что в цехе холодно. Закончив смену, уходили в душевую мокрые от нервного пота. Стоя под тугой струёй душа, Витёк нещадно матерился на свою условно-досрочную свободу.

А Петьке Желткову парадоксально нравилось, что выплеск адреналина из его организма приносит передающуюся по линиям энергосистемы реальную для людей пользу. После смены Желтков плёлся в свою когда-то вымученную, выстраданную, выплаканную у начальства квартиру, выходящую

подъездом прямо в тайгу — но не так, как в песне «я шагаю с работы усталый», а именно плёлся, и знал, что прикоснувшись к подушке, он уснёт вмиг, без судорожных мыслей в голове о следственных версиях, процессуальных сроках, планах мероприятий. И никто его не поднимет с постели, чтобы мчаться в стылую мглу полярной ночи во имя торжества социалистической справедливости.

Когда Желтков после вычурно-муторной процедуры оформления перевода из следственных органов в городе на берегах Волги в зловещий для многих Магадан приехал к месту своего назначения — второй город из двух городов Колымы, Сусуман, жёсткий характер своего нового начальника он почувствовал сразу. Тот был родом из южной части России и «всяких кацапов», что явно звучало в его интонациях и междометиях, «недолюбливал». Он окинул взглядом сначала фигуру, потом уже лицо нового подчинённого, и сказал недружелюбным тоном:

— Шуба у тебя подходящая, генеральская... А что ты умеешь, университет? — Начальник щепотью взял со своего стола несколько тощеньких папок и подвинул их, как шулер карты, поближе к Желткову. — А ну, просмотри. Это материалы на возбуждение уголовного дела. И что скажешь?.. Десять минут.

Желтков расстегнул свой овчинный полушубок, сел на стул и начал перелистывать бумаги. Ему вообще-то понравилось, что начальник — мужик. Там, в далёкой, материковой России начальниками следственных служб этого уровня были обычно бабы, со всей их, обще присущей, слащавой эмоциональностью. И с каким-то «ведьминским» стилем руководства.

Отложив на столе начальника четыре папки в одну сторону, а две — в другую, Желтков уверенно произнёс:

— В этих нет никаких составов преступления, в этих двух — наркота и типичная хулиганка.

— Ну, это как раз и по твоей, так сказать, территории. С богом приступай, работы — куча.

Потом они разговорились на равных, на общие темы. О семье, о жене, о детях, о жилищных перспективах. Вечером, в светлых сумерках начинающейся весны Желтков отбыл на попутке на 760-й километр колымской трассы, в свою резиденцию.

Про Ямчука Василия Григорьевича начальником была дана такая ориентировка:

— Вася ждёт пенсию. Человек пятнадцать лет на Севере. Из оперов, по комсомольскому призыву, образование — полгода милицейской школы. Дела за него в основном ведут мои командированные. Но

по кадровым расчётам выгодно держать эту единицу. Войдёшь в курс дела, Васю — пинком на пенсию. У тебя по той территории — майорская должность.

«Вася» поначалу подобострастно прогнулся перед новым «коллегой» и ежедневно ждал подянки от молодого назначенца. Потом успокоился, оценив опытным, намётанным взглядом старого мента, с кем имеет дело. Пригласил пару раз в гости, познакомил с женой, накормил домашними пельменями и строганиной под водочку. Брал из общей текучки себе в работу одно-два дела, мусолил-мусолил их сколько позволяли сроки, а потом прекращал. Начальник следствия из райотдела поначалу звонил каждую неделю, интересовался «не нужны ли советы?», потом всё реже, а после и вовсе прекратил. Желтков встречался с ним, лишь когда приезжал подписывать обвинительные заключения. Начальник и про Василия Григорьевича поначалу интересовался «как там Вася?», а потом и этим перестал интересоваться. В коллективе поселкового отделения милиции уразумели, что приехал «пахарь» и всюю пользовались этим, отдыхая душой после нудного и неповоротливого в оперативной обстановке Ямчука.

Изнурительно-долго тянулась колымская зима

и мгновенно пролетало короткое колымское лето. Крутилось колесо ежедневных происшествий, без остановки на праздники, выходные, больничные. Человеческое общество в своём существовании — ну никак не может существовать без всяческих придумок на собственную голову в жанре комедий, драм и трагедий.

4.

Иван Иванович Стаханов с мучительным выражением лица категорически отказался сбрасываться на «Хошеминку». Серёга Ланской этот поступок одобрил, но сам с удовольствием вложил свою долю в ладонь Витьки Пучка. Была вторая смена — начальства нет, энергонагрузка — по плану, все котлы гудят в стабильном режиме. Сама обстановка шепчет: «выпьем, друзья кочегары ...»

Петьке Желткову нравились такие сменные «посиделки». Восемь месяцев уже его кочегарского стажа. И в такие моменты простого человеческого общения, пролетарского единения, без оглядки на произнесённые слова, без корыстной и карьерной подоплёки, и вся смена, как единый организм, с одной задачей, чтобы стрелки приборов колыхались в пределах нужных параметров. Они выпивали,

чокаясь дружно, произнося тосты, рассказывали анекдоты и случаи из жизни, но не забывали тем временем каждый исполнять, что ему положено по штатной инструкции.

Выпивали за столом Сашки Мишина. Иван Иванович Стаханов стойко нёс вахту у своего стола в другом конце котельного цеха. О чём только не рассуждали, в чём только пьяненький человек не считает себя специалистом, да в любой сфере деятельности, хоть в чём. Он знает всё, как «знатоки» из «что, где, когда». Как убирать комбайном побитые градом посевы, как стрелять из танка на скорости, как чистить карбюратор машины в движении. О-о, когда порядочно вмажут — знают всё. И как должен вести себя космонавт перед стартом ракеты, и как делать аборт на десятой неделе беременности.

Когда уже убедились, что все они в равной степени бесспорно компетентные специалисты во всех областях науки и техники, Ланской и Пучок уселись играть в домино, Желтков отправился проверять состояния транспортёров податчиков сырого угля, которые сокращённо именовались ПСУ.

На двух ПСУ из восьми попались под ограничитель две здоровенные булыги и срезало шпильки на транспортёре. ПСУшки остановились, сырой уголь на подавался в измельчительные

мельницы.

— Витёк! — крикнул раздражённо Желтков, выходя из темноты за щитом управления. — Тащи шпильки! Пойдём вставлять!

— Ща! — непринуждённо отозвался Пучок, даже не посмотрев на Желткова, а вглядываясь в свои доминошки на ладонях.

— Кому, твою мать, сказал...

— А я сказал: ща-а...

— Ну-у!

— Чо, ну... Кому нукаешь! — Витька кинул костяшки домино на стол, сверкнул глазами из-под козырька каски.

Желтков подошёл вплотную к Пучку, вперился в него злым взглядом и опять повторил тяжёлым голосом:

— Тащи шпильки...

— Ты не понтуйся тут! — Витёк привстал со стула. — Это тебе не в ментовской своей командовать всякими горемыками...

У Желткова кровь зашипела в жилах, будто сделали инъекцию серной кислоты, и обожгло в верхней части желудка, как у него стало проявляться в последнее время при резкой вспышке злости. Если в такие моменты дома не расшибить об стенку какую-нибудь посуду, или не раскрошить в щепки стул ударами об стол — да мозги просто взорвутся и разлетятся серыми ошмётками

мозгового вещества. Он с полминуты смотрел снизу вверх в сузившиеся глаза Витьки.

— А это тебе не на тюремной шконке блатату из себя корчить. Привык в коридорных поломоях дуру валять... — процедил сквозь зубы Желтков и медленно взял Витьку за ворот спецовки.

Пучок отступил на шаг назад — и с криком истерики: «А ментяра, волчара позорный!» прямым ударом кулака врезал Желткову в лицо. Желтков, будто не почувствовав удара, с ответным истеричным криком «Кто ментяра! Ублюдок запетушённый!» в прыжке вцепился обеими руками в горло Витьки.

С голов у них послетали каски, глаза у Витьки выпучились, рот широко раскрылся. Повскакали со своих мест Ланской и Сашка Мишин, навалились на Желтка, отдирая его руки от горла Пучка. Тело Пучка уже обвисало и медленно опускалось на колени. С другого конца цеха примчался Стаханов и, перехватив поперёк туловище Желткова, оторвал его от почти уже сомлевшего Витьки. С минуту все стояли, тяжело дыша, держали в шесть рук Желткова и смотрели на него, будто не зная, что делать с пойманной бешеной собакой.

Сашка Мишин проговорил обомлевшим голосом:

— Ба-а, а считался таким спокойным-спокойным...

Витёк, массируя свой кадык, поднялся с пола, подобрал каску и медленно пошёл на выход из цеха.

— Я долго терпел, я долго терпел, — тихо произнёс Желтков, мотая головой и освобождаясь от объятий сменного персонала. — Но очень долго терпеть я не могу...

Пучок после того случая пробюллетенил целую неделю. У Желткова эту неделю под глазом алел синяк. Всю слесарскую работу приходилось выполнять одному, а разницы особой и не было заметно. Однако ж, когда Витёк приступил к работе, почувствовалось облегчение. Витёк стал проявлять трудовой энтузиазм, как какой-то застоявшийся жеребец. Вся смена удивлялась такому преображению «узника «Крестов», а Серега Ланской как-то от души посоветовал Желткову быть «побдительней, если — как-бы — чего — не как»:

— Ты знаешь, Петь, когда эту станцию строили в пятидесятых годах зэковские бригады, сколько тут тел в стенах замуровано. У Пучка, наверное, в каждом кармане по финке.

— А ничего, — отмахивался Желтков. — Знаю я эту братву. Пучок из бакланов, а бакланы — ребята незлопамятные.

5.

Вскоре пошло ещё одно «веселье», нарушающее размеренные трудовые будни. Определили им в смену на стажировку приехавшего откуда-то «с материка» очкастого инженера Лешу Рыбачкова. По существующим в энергетике правилам кандидат на должность начальника смены должен простажироваться по всем ступенькам рабочих специальностей, прежде чем занять инженерную должность.

Леша Рыбачков был в круглых, с тонкой металлической оправой очках. Он оказался непьющим и, мало того, чрезвычайно инициативным.

— При нём, — предупредил Серёга Ланской, — на смене выпивать не будем. Инициатива мне его почему-то подозрительна. И вообще, на Берию похож.

Стаханов, хотя и являлся «махровым сталинистом», считал Берию врагом своего идеала, очернившего в истории великий образ вождя. Иван Иванович тоже невзлюбил очкастого и непьющего Рыбачкова, и когда тот, ещё будучи в стажёрах у дежурного слесаря, лез к щиту управления, чтобы что-то там «подрегулировать», так шлёпал своей ручищей по руке Рыбачкова, что тот вздрагивал и

по детски приседал, втягивая голову в плечи.

— Осёл в очках и без очков начальник смены Рыбачков, — в стихах выразился про него Пучок.

Этот инициативный рационализатор лез своими новаторскими глупостями в каждую дырку. Не успеешь отдышаться после подъёма-спуска с двенадцатой отметки, как неугомонный стажёр настойчиво предлагает спуститься на отметку шнеков, чтобы «проверить КПД вращательного момента», якобы шнеки, по его мнению, слишком медленно выгребают огнедышащий шлак из-под днища котла.

Почему-то Рыбачков считал, что Желтков как простой работяга, но с высшим образованием должен понимать его инициативные устремления. Довёл-таки своими рацухами и фантазиями. Но и не откажешь ему: нажалуется, очкастенький, начальству, что его неполноценно стажируют.

В своих замудрённостях Рыбачкову приспичило осмотреть изнутри резервный циклон, стоявший пока в нерабочем режиме. А что там осматривать — это такая штука, превращающая путём турболетности угольную пыль в мельчайшую аэросмесь. Желтков предупредил, что такие внутренние проникновения грубо нарушают технику безопасности. А Рыбачков с чего-то вспомнил вслух про фильм о

физиках-экспериментаторах и с энтузиазмом полез внутрь цилиндрического корпуса. Что там можно высмотреть в смысле новаторского предложения, Желткову совершенно было непонятно. Видимо, не хватало инженерного образования.

Рыбачков что-то бубняще спрашивал изнутри циклона, Желтков ничего из этого бубняжа не понимал, стоял, чувствуя себя, если не идиотом, то его подручным. В руках была пудовая кувалда, которой оббивают смерзающийся в коробах сырой уголь. Чтобы хоть как-то отреагировать на бубнёж рационализатора, Желтков пару раз коротко стукнул кувалдой по корпусу циклона, мол давай, вылезай. Когда «энтузиаст» показался на поверхности — он был чернее экваториального негра. Аэросмесь по своей фракции равняется муке высшего помола.

Рыбачков сразу же отправился в душ, Желтков — смешить сменный персонал. Стаханов ржал, держась за крышку стола, Ланской досмеялся до икоты, Витька Пучок даже присел на корточки, Сашка Мишин в дальнем конце цеха, не понимая над чем смеются, просто широко улыбался.

В конце дневной смены, когда постепенно растворяются в пространстве «белые каски» и всякие другие лишние для дежурства люди, можно

тихо и спокойно попить чаю с копчёной, жирной скумбрией. Алюминиевый пятилитровый чайник ставится на определённое место на коллекторе паропровода, где отломана давным-давно теплоизоляционная оболочка, и через полчаса чайник закипает. Выпивать, в смысле спиртного, нельзя — потому что вместо ушедшего в отпуск Серёги Ланского начальником смены Леша Рыбачков. Пить чай Рыбачков разрешает.

Рыбачков сам любит попить чаю и порассуждать о перспективах развития науки и техники. Он моет руки под краником пробоотборника, вытирает их «вторым» носовым платком, садится за стол Сашки Мишина с таким видом, что видно, садится начальник смены. Пододвигает к себе газетку с ломтями скумбрии.

— Всё это, — говорит Рыбачков, обводя пальцем вокруг своей головы, — технологии каменного века, почти нулевое капедэ. В перспективе перейдём на глубинное бурение скважин, и будем брать тепло планеты из её мантии. Этих монстров не будет, — он тычет большим пальцем себе за спину. — Будет сразу чистый пар на турбины. Вы будете не нужны, — и показывает пальцем на Желткова и Пучка. А ты, Саша, будешь работать в белом халате.

— Да мне и без белого халата нормально, —

бубнит без всяких эмоций флегматичный, как телёнок, Сашка Мишин. — Вон на соседней очереди, у высокого давления, они на работу в галстуках ходят. Сидят в своих стекляшках за километр от котла, как глисты в пробирках. Никакой этой... романтики.

— Значит, кочегары — профессия вымирающая, — грустно заключает Желтков.

— Конечно, прогресс движется неумолимо. Но ты, Пётр, к тому времени будешь нужен в другом месте и в другом качестве, — уверенно говорит Рыбачков. — Тебе, Петя, надо двигаться в направлении, например, в секретари парткома станции. Я сам в ближайшей перспективе уже там, — Рыбачков ладонью показывает неопределённо вверх, — должность займу...

— Какой партком, — хмыкает Желтков. — Я же беспартийный. Меня же даже из комсомола исключили.

Лицо у Рыбачкова вытягивается в изумлении. Он снимает каску, приглаживает жидкие волосёнки.

— Как же так? При каких обстоятельствах?

— А когда начал требовать увольнения. Не хочу, говорю, больше, устал и всё прочее. Присяг, мол, никаких я не принимал, увольняйте. Ну, меня в дежурном порядке из комсомола и исключили сначала. Записали в протоколе собрания, что хочу бросить фронт борьбы с преступностью и уйти на

тихую, непыльную работёнку...

Сашка Мишин и Пучок загоготали, а начальник смены, блеснув очками, поднялся со стула и подошёл к щиту управления. Принялся что-то рассматривать на приборах.

— Я вообще-то как после школы уже решил в комсомол поступать, — продолжал Желтков. — Иду с пляжа летом, вижу вывеску на стене «райком ВЛКСМ». И как-то мельком подумал, если на юридический поступать, то надо быть комсомольцем. Ну, и зашёл. Вижу двух мужиков, потные сидят, с распущенными галстуками. Говорю, примите в комсомол. Они говорят, жара такая, шёл бы парень на пляж. Я им говорю, что уже с пляжа иду. Ну, ладно, говорят, устав знаешь, с программой согласен, принят. Выдали мне комсомольский билет, пожали руку, поздравили, сказали, чтобы я теперь гордился...

— Надо посмотреть температуру пара на выходе. Что-то стрелка дёргается. — Рыбачков показал пальцем на щит. — На четвёртом котле.

Пучок, присвистнув, возмутился:

— Так это ж на самую верхотуру лезть, к самому барабану...

— Это по инструкции исполнять обходчику, — уточнил Рыбачков и посмотрел на Желткова.

Желтков согласно кивнул, досказал дальше про последнее в своей жизни комсомольское собрание и пошёл к такелажу на четвёртом котле. Он поднялся на одну отметку, покурил, сидя на ступеньке, и спустился вниз.

— Двести семьдесят восемь с половиной, — доложил он, делая вид, что запыхался.

— А, правильно, — кивнул Рыбачков, посмотрев на прибор. — Вон что-то тебя Стаханов зовёт.

Стаханову одному было скучно и он позвал Желткова попить своего домашнего чая из термоса.

— Что там наш придурок всё руками размахивал? — спросил он, пододвигая Желткову пакет с домашними шанежками.

— Мечтает. Как он в скором времени станет директором электростанции.

— Ишь ты, подстрел... Это ему надо Парашку сначала обогнать на этом пути. А с Парашкой ему не сладить, очки запотеют...

«Парашкой» с лёгкой руки Витьки Пучка прозвали начальника первой смены Порошко. Между Пучком и Порошко существовала неприязнь крайней степени из-за диаметрально противоположных взглядов на дисциплину. Хотя они являлись соседями по дому. Порошко

единственный из всех инженеров его уровня ходил в белой каске, что по неписанному правилу позволялось только с должности начальника цеха. У инженера Порошко была привычка, давая строгие указания, постучать указательным пальцем по какому-нибудь предмету. Если в этот момент никакого предмета рядом не было, он мог отойти и метров пять, постучать, вернуться обратно и продолжить указание.

На третьем котле Сашки Мишина вдруг что-то ухнуло — и из щелей и лючков на теле котла выбило чёрное облако, которое медленно потянулось в сторону турбинного цеха.

— Ох ты! — Стаханов вскочил со стула, опрокинув кружку с чаем. — Факел сорвало у Сашки. Ну что за напасть, как трезвая смена, так какая-нибудь чепУха случается. А турбинщики сейчас скажут, что опять котельщики перепилились и их нежное оборудование загрязняют.

Иван Иванович, оглядев свои приборы, направился к столу Сашки Мишина. Вернувшись, объявил Петьке:

— Это наш жеребец необъезженный своим копытом регулятор горелки сбил. Ну и факел сорвало к чертям. Я Сашке факел подхватил, сейчас котёл в режим войдёт... Вот что за придурок, лезет везде своими шаловливыми ручонками. Вот достанется нам с ним. Скорей бы наш Серёга из

отпуска вернулся.

По возвращению Серёги Ланского из отпуска, ему радовались, как долго отсутствующему близкому родственнику. Рыбачкова отправили существовать в резерве. В смене всё пошло как прежде, по родственному, по душевному. Серёга привёз из отпуска нормальной водки, не из вьетнамского риса и много сибирских разносолов. Была как раз ночная смена. И выпили хорошо, посидели — поговорили на всякие умные темы, и утром котёл запустили без всяких чепУх.

У Желткова душа наполнялась спокойной радостью, когда он домой возвращался в морозной тишине полярной ночи. Какое-то блаженное влияние оказывает на нервную систему кочегарская работа.

6.

Когда Желтков написал рапорт об увольнении со следственной работы — а написал его так, в сердцах, сидя в своём кабинете, по времени суток где-то ближе к полуночи — он задумался, поставив число и подпись: а не от слабости ли своей он это сделал. Разумеется, что есть всему пределы, и «Жигулёнок» в своём багажнике не перевезёт столько угля, сколько «Белаз» в своём кузове. А

просто дальше «заклинит клапана и срежет крестовину на кардане». И этот рапорт вовсе не от слабости и истерики, но от желания настоящей жизни, в её натуральном выражении. Вот подведёт все дела под окончание по нормам «социалистической законности», если, конечно, не случатся опять «вспышки на солнце», швырнёт удостоверение на стол начальству — и гуляй Петя на свободе...

И Желтков решил категорически, выработав даже план. Текущие дела, по которым невозможно никак уйти от обвинительных выводов, он закончит. Пока его рапорт бродит по кадровым инстанциям. А дела в тощеньких папочках подведёт под «пятёрку», статью 5 уголовно-процессуального кодекса: за отсутствием события или состава преступления. Подпишет их прокурор — не подпишет, уже плевать, Вася будет гулять на свободе. В конце концов, каждый субъект в системе правосудия, все люди-человеки, допускает определённую долю субъективизма в принятых решениях.

«Эх, пошли бы вы все на хрен!», — хотелось Желткову дописать в своём рапорте.

— Ты чего там выдумал? Какие такие

рапорты?..

— Ты давай кончай психовать... На тебя готовят представление на очередное звание!..

— Вы не представляете негативных последствий в дальнейшей вашей жизни... Уйдёте из органов — пожалеете...

По этим телефонным звонкам Желтков понял, что его рапорт уже гуляет по инстанциям. Собрав с десяток тощеньких папочек, Желтков поехал на автобусе в райцентр, «пудрить мозги» Александру Альфредовичу Нейерди, надзирающим за следствием замом районного прокурора.

Александр Альфредович Нейерди был ровесником Желткова и индивидуумом генетически строгих правил. Он проработал пару лет районным следователем на Чукотке и прослыл у своего начальства «большим процессуалистом». Ещё бы, на чукотском побережье — два уголовных дела в год. Когда коту, как говорится, делать нечего, он...

Желтков уже швырнулся в Нейерди телефонным аппаратом и орал: «А я тут не свой огород окучиваю и не Беломорканал строю!..». «Не понимаю аналогий, — холодным голосом с мимикой Снежной королеву выговаривал зампрокурора. — Процессуальные нарушения должны быть устранены». «А у меня в живых

двадцать пять дел в производстве! Моя главная задача — доказывать преступление, а не разрисовывать финтифлюшками уголовное дело. У меня от такого режима жизни и работы скоро язва желудка из горла вылезет!...». «А это ваши проблемы. Сообщите о них своему начальству».

Особенно допекли Желткова такие дискуссии, когда он принёс для направления в суд дело об убийстве бездомного дядьки группой подростков. Полгода расследования, три тома дела. Полная картина преступления и совершенно достаточный объём доказательств. Но Нейерди этого было мало, и он потребовал проведения киносъёмки при проверке показаний обвиняемых на месте преступления. Вошло тогда в моду такое кинематографическое мероприятие. А для этого требовалось продление срока следствия у прокурора республики — а это весьма муторное занятие. «И ещё, — добавил зампрокурора, — не выяснены мотивы преступления. А это большое упущение». Желтков вздохнул и беспомощно развёл руками. «Мотив — из хулиганских побуждений. В деле же сколько раз звучит, что потерпевший бомжик поссал в подъезде». Но Александр Альфредович принципиально и упрямо настаивал на своих руководящих указаниях.

И Желтков сам пошёл «на принцип».

«Ты — процессуалист. Ну, и мы процессуально...». Желтков обложился руководящими постановлениями Верховного суда и сочинил на двух страницах жалобу вышестоящему прокурору на указания надзирающего прокурора. Показал свою «жалобёху» своему начальнику следствия и двум судьям районного суда. Все посчитали жалобу квалифицированной, одобрили и, зная «о взаимных симпатиях» Желткова и Нейерди, в душе улыбались в ожидании развития событий. Событие предполагало столкновение интересов двух «контор» — следственной службы МВД и надзирающей функции прокуратуры.

Сколько раз для вынесения обвинительного заключения нужно доказывать, что дважды два — четыре? Один раз, два раза... или раз десять? Если есть принцип достаточности доказательств? А тут ещё милицейское начальство, которому подчиняешься дисциплинарно, требует правовой «эквистрики», что для улучшения отчётности из чепухи сделать преступление, а из явного преступления — чепуху, когда «светит глухарь». А то могут и квартиру не выделить. В полном соответствии с первым законом термодинамики о сохранении энергии энергия у Желткова заканчивалась. И даже от солнца энергией не подпитаться в длинные, полярные ночи.

Скрипучие ступеньки на лестнице районной прокуратуры своим скрипом вызвали ассоциации предчувствия чего-то нехорошего. Ну, не подпишет дела на прекращения, ну и ладно. Оставлю на его столе и уйду. Психовать, так психовать...

Секретарша в прокурорской приёмной с непривычно вежливой улыбкой попросила подождать. Желтков пристроился на стуле у стены и привычно приготовился к ожиданию.

— А вы к нам теперь? — искоса взглянув, спросила секретарша.

— К вам. А куда же ещё? — буркнул Желтков.

Он так устал, он так устал — и не от того, что проделал путь в девяносто километров на попутке до райцентра по пыльному серпантину колымской трассы — он устал от раздумий о жизни на рубеже её перелома. Скоро, вот-вот должно что-то произойти. И жизнь будет по- другому, по- новому. Неизвестно, в лучшую ли сторону — но по-другому. В свободе воли. Не нужно будет ежедневно отдирать от своей души, как струпья от застарелой раны, чужие боли, крики, слёзы. Может быть, кому и по нраву быть «вершителем человеческих судеб». И, скорее всего, таких желающих целая толпа. Но что-то ветхозаветное, не

понимаемое до конца вибрировало, выговаривало на подкорку мозга «не суди — и не судим, будешь». Судьба человеческая — это такое таинство. А теория «случайного преступника» и принцип «неотвратимости наказания», и требования статистической отчётности по раскрываемости пытаются, образно говоря, при помощи топора и лопаты разобраться в эфирно-тонкой нервной ткани этого таинства. А, вполне возможно, и не пытаются разобраться. Крутится и крутится, скрежеща ржавыми колёсиками, машина правосудия.

— Вас, наверное, в областной аппарат возьмут? — с заинтересованностью и непривычной вежливостью спросила секретарша.

— Конечно, должны вызвать в область. Там будут решать. — Желтков согласился тихим голосом, имея в виду реакцию на его рапорт.

— Ну что ж, будем очень рады. Правда, неожиданный поворот карьеры? Вчера звонили из областной прокуратуры. Так ругались на Александра Альфредовича, так ругались...

Зайдя в кабинет зампрокурора, Желтков невнятно поздоровался. Нейерди встал с кресла и протянул приветственно руку. Подобных знаков уважения раньше не наблюдалось.

— Вот у меня тут на прекращение, — сказал

Желтков, доставая из портфеля пачку тощих папок. — Так, простая бытовуха. Вам на подпись. Постановления готовы.

Зампрокурора придвинул к себе папки, раскрыл верхнюю и спросил, глядя как-то по-птичьи, в профиль:

— А не хотите к нам на работу перейти?

— Какую работу? Я вообще увольняюсь, — буркнул Желтков.

— Вот как? — удивился Нейерди. — Совсем? И по какому основанию?

— А какие у нас в системе имеются основания... Или по здоровью, или по несоответствию, или за дискредитацию.

— А вы, по какому?

— Вероятно, по несоответствию занимаемой должности. Раз, не хочешь служить — значит, не соответствуешь, — равнодушно ответил Желтков.

Нейерди хмыкнул, улыбнулся, потёр руки и в две минуты начиркал свою подпись на всех постановлениях о прекращении дела.

— Ну, желаю удачи в новой жизни. — Нейерди опять привстал с кресла и с улыбкой попрощался рукопожатием.

Желтков тоже по-доброму ответно ему улыбнулся, радуясь своим мыслям, и вышел из

кабинета, чуть ли не подпрыгивая от чувства восхищения самим собой. Только бы теперь не случились «вспышки на солнце».

Лишь на обратном пути в свой посёлок до Желткова дошло, что по его жалобе в областной прокуратуре признали его правоту и велели проигравшему «процессуальный спор» Нейерди пригласить «победителя» на работу в органы прокуратуры.

7.

Осенью в котельном цехе почти месяц требуется, чтобы затянуло наледями дыры в оконных витражах. После этого в стылом цехе становится уютненько. Но приходит взамен другая неприятность — скованный морозом уголь начинает «зависать» в углепроводах, явление похожее на запор в человеческих кишках. Пока нарытые угольные пласты из шахты в соседнем посёлке доставят энергетикам в кузовах «Белазов», уголь схватит морозом, и он никак не хочет самотёком течь по трубам в два человеческих обхвата в громыхающие шаровые мельницы.

Теперь, кроме всех прочих дежурных обязанностей, Желткову и Пучку было нужно в тревожном режиме носиться с пудовыми кувалдами по сигналу машинистов то на одну, то на другую

отметку. Кувалдами молотили по трубе углепровода. После пяти-шести ударов пот заливал глаза, обвисали руки, каски падали с голов обходчика и дежурного слесаря. Они плюхались прямо на металлический пол и дышали по-собачьи, высунув языки. А снизу кричали машинисты: «На первом котле, вторая труба!.. На четвёртом — первая труба!». Машинистам по приборам видно, по какому углепроводу провисает подача угля.

Справлялись и с этим — когда-нибудь любой аврал кончается. В моменты затишья Желтков усаживался за столом Сашки Мишина отпиваться чаем, а Витёк Пучок — играть в доминошки с Ланским и Стахановым.

— Ну как тебе работа непыльная? — с сочувствием вопрошал Сашка, всматриваясь в осунувшееся лицо Желткова. — Не сожалеешь о прошлой работе? Там такой кутерьмы не было?

— Там бывало и похуже. Тут физически напряг, а там — хоть нервы на кулак наматывай. Психически всегда тяжелей, чем физически. Научно доказано, вредней для здоровья.

— Но там же ведь — романтика! — с недоумением восклицал Сашка, любитель всяческих детективов в кино и в книгах.

— Какая, к хренам, романтика, — отмахивался Желтков, дуя на кружку с чаем. — В

твоих детективах это сыщик одно дело мусолит, будто в своё удовольствие. А на деле — писанина рутинная, загадки без разгадок, и сам себя постоянно чувствуешь под чьим-то колпаком... Ну, может, это у меня только. Другие же вон работают. Наверное, я отвлекаться не умел. И сгорел, как лучина на ветру.

Желтков погрузстнел и прихлёбывал чай, уставившись в исцарапанную крышку стола.

В пересменку первый же вошедший из новой смены с восторгом в голосе объявил:

— А вы, наверное, не знаете? Брежнев умер!

— Вот это дела! — изумился Стаханов, поведя головой. А потом добавил: — Это надо отметить. А магазины закрыты... Витёк, где водяры добыть можно?

Сразу же после душа всей сменой направились в гараж Стаханова. В гараже у Ивана Ивановича царил изумительный по-флотски порядок, а его «Москвич-412» желтого цвета сиял лаком, как будто только что с конвейера.

— Хватит ржать, всё-таки руководитель государства помер, — траурным голосом сказал Стаханов всем соратникам, покрывая газетками верстак под поминальный стол.

Но почему-то у всех было смешливое настроение. Помнились многочисленные анекдоты,

помнились речи усопшего по телевизору. «Ну вот, Брежнев! А ты — Райкин, Райкин...». Время такое было, что вокруг в мире всё плохо: кризисы, восстания, безработица, негров угнетают... А у нас в стране всё хорошо, и ещё лучше с каждым днём. Народу повсеместно хотелось, чтобы хоть что-то произошло, хоть в какую сторону. А то, точно в закупоренном вагоне, который покачивается, стоя на месте, а по радио объявляют остановки. Хотелось, чтобы откупорили вагон, наполненный сонным угарным дымом.

Налили, выпили, не чокаясь, добытой Пучком «хошеминки». Снова налили, и Стаханов задумчиво проговорил:

— Вот, вспоминаю, когда Сталин умер, как все плакали. Всенародный траур. Осиротел народ без вождя. А теперь, — Стаханов подумал а потом сказал, что-то припоминая: — Не-е, бабка моя не плакала. Да. Я тогда на побывке был в своей деревне. И бабка не плакала. Слушала по тарелке в углу траурную музыку и крестилась на икону в другом углу. Умная бабка была, газеты читала.

— Что теперь будет? — тоже задумчиво произнёс Сашка Мишин.

— А что-то, конечно, изменится. Обязательно, — уверенно сказал Ланской. — Но в какую сторону?

— А по мне, главное, чтобы свобода была, — твёрдо заявил Пучок.

— А по мне, — тоже в задумчивости проговорил Желтков, — в историческом смысле что Сталин, что Гитлер — одна сволочь. Сталин даже хуже Гитлера...

При этих словах Иван Иванович по-медвежьи зарычал и поднял похожий на кувалду кулак.

— ... Гитлер других завоёвывал для своего народа, а Сталин свой народ гробил, чтобы другие народы к социализму привезти, — настырно продолжал умничать Желтков.

Не успел Стаханов, крякнув, приподняться со своего чурбачка, как ему на плечи навалились Ланской и Пучок, а Сашка Мишин, растопырив руки, заслонил собой Желткова.

— В конце концов, — успокоительно шептал в ухо Ивану Ивановичу Серёга Ланской, — мы же Брежнева хороним. А Сталин, он же вечно живой, как Ленин...

Закончилась «хошеминка», и посмурневший Стаханов снял с полки трёхлитровую ёмкость самогонки из томатной пасты. Вспороли ножами две банки китайской тушенки «Великая стена». Захмелевший Сашка Мишин спросил: «Нашу кочегарскую?», — и затянул красивым, густым баритоном: «На-а...».

— ...апрасно старушка ждёт сына домой, — прямо со второй буквы, дружно подхватила вся смена. — Ей скажут, она-а-а зарыдает...

8.

Правильно как-то заметил Иван Иванович Стаханов, что когда смена трезвая, обязательно случится какая-нибудь «чепУха». Чрезвычайное происшествие и случилась. В ночную смену.

В начале смены Ланской отправился на обычный доклад к оперативному дежурному инженеру станции. Витёк Пучок где-то спал в укромном уголке. Желтков со Стахановым вели за чаем философские разговоры. Тут от своего стола засвистел в свисток Сашка Мишин. Свисток как «рацуху» придумал ещё неугомонный очкастенький Рыбачков, чтобы не орать через весь цех, вызывая обходчика.

— Вот беда, — сказал встревоженно Сашка подошедшему Желткову. — На два факела смесь перестала поступать. Кажись, на подаче шпильку срезало...

Желтков горестно вздохнул и пошёл разыскивать где-то спящего Пучка и по пути свою где-то оставленную каску. «Сменить шпильку» на вращательном механизме подачи аэросмеси из бункера на факелы котла — дело хлопотное, не то,

что на какой-то примитивной ПСУшке. Желтков прихватил самую большую из «кочерёг», поднялся на шестую отметку и покатил к аварийному бункеру верещащую колёсиками двухметровую ремонтную площадку. Потом, скинув верхонки, ощупал голый ладонью все восемь отводов из бункера. Четыре из них были холоднее остальных четырёх. Было понятно, что котёл действительно работал всего на четырёх горелках, и Сашке Мишину стоило большого напряжения «держат режим», чтобы котёл «не хлопнулся». Подошёл заспанный Витёк и спросил, потягиваясь:

— Ну, чо, всё пучком?

— Давай крути штурвал, перекрывай заслонку. Сейчас мы тут накувыркаемся...

Витёк «кочергой» крутил, крякая от натуги, метровое чугунное колесо, которым закрывалась заслонка, отсекающая подающий механизм от 60-ти тонн аэросмеси в бункере. Желтков залез на площадку, держа чуть ли не двумя руками гаечный ключ «на 42». Нужно было для установки новой шпильки открыть лючок, открутив четыре гайки, каждая величиной в кулак.

— Усё, готово! — доложил Витёк, скрипнув последним оборотом ржавого штурвала.

Опять горестно вздохнув, Желтков принялся снимать чугунную крышку люка. Аэросмесь чёрной горячей сметаной потекла на площадку под ноги.

По технологии полагалось поддерживать температуру аэросмеси в пределах 80-ти градусов, поэтому «сметана» была ощутимо горячей. Литров пять «сметаны» должно было вытечь, чтобы освободился вращательный диск, на котором и нужно было заменить шпильку.

Но после вытекания естественной нормы аэросмесь продолжала непрерываемо сочиться из развёрстого отверстия.

— Ну, что вы там! — крикнул снизу Сашка Мишин. — Давайте быстрее!

— Докручивай дальше колесо! — панически скомандовал Витьку Желтков. — Не держит, зараза...

Горячая аэросмесь в равномерном движении выливалась на ремонтную площадку, с площадки — на пол под бункером.

— Вы что там! — кричал снизу от щита управления подбежавший к Сашке Мишину Серёга Ланской.

— Быстрее давайте! — Уже жалобно вопил сам Сашка Мишин. — Быстрее, быстрее!..

— Не крутится больше, — виноватым голосом сообщил уже невидимый в клубах угольной пыли Витёк. — Уже в упор, Петь...

— Петька! Ты что там! — злобно кричал снизу Ланской.

Потом снизу слышался голос Стаханова, о

чём-то громко заспорившим с начальником смены.

— Петька!! — крикнул повелительно Стаханов. — Заслонка не держит! Ставь лючок, на хрен, на место!..

Да Желткову и самому стало понятно, что заслонка «не держит» и за какое-то время шестьдесят тонн мельчайшей горячей угольной пыли выльется из бункера, потечёт на щит управления, замкнёт все контактные линии, вспыхнет от факелов работающих котлов... И так рванёт, что снесёт не только очередь среднего давления — но и соседнюю очередь современно-технологического высокого давления. Исчезнет ГРЭС — и половина колымской территории погрузится «в темноту полярной ночи».

Видение это зримо представилось Желткову во всю меру его фантазии, пока он тужился насадить лючок обратно на четыре болта, торчащих из корпуса бункера. Сквозь чёрную пелену уже трудновато было что-либо разглядеть, чтобы состыковать болты с отверстиями на чугунном лючке. И сам эта заглушка тяжеловата даже для нормальной обстановки, да и ключ «на 42» — не лёгкий. Желтков упёрся каской в плоскость лючка, пытаясь наощупь состыковать дырки со штырьками.

— Петь! Петь!. Ну, давай, давай! — верещал где-то рядом Пучок.

— Петька держись! — поочерёдно раздавались снизу панические голоса Ланского, Стаханова Сашки.

Ещё был слышен и визгливый, ругательный голос прибежавшего оперативного инженера электростанции и мат-перемат начальника смены турбинного цеха.

Штырьки попали, наконец, в отверстия, лючок стал на своё место. Желтков, придерживая его каской, пытался отыскать рукой отложенные где-то рядом гайки. Аэросмесь жгла, как горчичники, открытые участки кожи. Кримпленовые брюки из домашнего гардероба постепенно превращались в пластмассовый панцирь. Одна гайка выскользнула из рукавицы — и искать её было бесполезно в куче пыли...

Постепенно ручейки аэросмеси из-под лючка замедлили своё течение, и через минуту совсем прекратились. Желтков, боясь оторвать свою каску от крышки, упираясь в неё с упрямым фанатизмом барана, насадил две гайки на болты и, постанывая от ощутимых ожогов на коже, прижал гайки тугими оборотами ключа.

Пыль вокруг медленно оседала. Рядом разгляделась чумазая физиономия Витька. В обнимку с гаечным ключом Желтков спустился с ремонтной площадки и в насыпях пыли по колено

пошёл к лестнице.

— Как ты, Петь? — жалостливо, заглядывая в лицо напарника, спросил Витёк.

— А всё пучком, Витёк, — ухмыльнулся Желтков. — Вот если б каску не надел... То была катастрофа... Техника безопасности недаром велит в каске работать.

Оперативный инженер и Серёга Ланской осмотрели фигуру Желткова, точно незнакомое существо. И оба сказали, чтобы он отправлялся домой. И оба проводили его до душевой. Оперативный инженер при этом говорил что-то ободряющее и похлопывал Желткова по плечу.

Под струями воды Желтков почувствовал возникающие на коже саднящие «браслеты» на запястьях и «ожерелье» в области шеи. В тех местах, где не было закрыто рукавицами и спецовкой. Устало, но гордо поплёлся по тропинке домой — и звёзды в чёрном небе мигали, будто вздыхая о чём-то.

Ближе к вечеру Желткова навестил Серёга Ланской. Начальник смены был оживлённо весел и сообщил, что начальник цеха велел Желткову отдыхать пока не выздоровеет. Больничный оформлять не нужно, зарплата будет идти своим порядком. И вообще, Желткову, сказал начальник цеха, надо орден давать.

— Какой орден? Конкретно? — шутливо поинтересовался Желтков.

— А не знаю. Какой-то там... Да, всё равно, ничего не дадут, потому что надо оформлять аварию, производственную травму. А это при нашем, всем понятном дремучем оборудовании... Сам понимаешь — никому не резон. Вон сегодня, оказывается, утром этот настырный Порошко решил сам эту злополучную шпильку поменять. Так пыли напустил, больше чем ты. И это с четырьмя помощниками. Всех уборщиц согнали, чтобы эту пыль убрать. Тонн пять набралось, не меньше. — Ланской захихикал каким-то своим мыслям. — А начальник цеха ему говорит, что белую каску тот не по чину на себя нацепил. Ругани было, ой-ой. — Ланской с довольной улыбкой замотал головой. — Короче, отдыхай — сколько влезет. Отсыпайся, Петь.

9.

Желтков за все свои «недосыпы» теперь отсыпался всю дорогу: на автобусе до аэропорта и в дребезжащем самолётике местной авиалинии до Магадана. В дремотном сознании, как в тёмном космосе, пролетали какие-то светящиеся кометы с хвостами недодуманных до конца мыслей о своей дальнейшей жизни.

Вызвали, наконец-то, в управление после третьего рапорта и после того как шлёпнул на стол своему начальнику в районе своё удостоверение. «Свои дела закончил, а новые — пускай Василий Григорьевич возбуждает. Всё, хватит с меня». Это был демонстративный псих. Без этой демонстрации опять бы всё пошло своим чередом и утонул бы опять в текучке, пока не превратился бы окончательно в тухлого утопленника, и остался бы в памяти у всех психоватым мальчишкой, не знающим, чего хочет в своих капризах.

Районный начальник следствия взглянул на физиономию Желткова и на его кинутое удостоверение. Сказал миролюбиво, подталкивая удостоверение обратно:

— Ты это... того. Пускай они там вверху решают. Я тебя понимаю, но не одобряю... Надо всё-таки и о пенсии думать. Жизнь, она-то — пролетит, и не заметишь...

Василий Григорьевич Ямчук, узнав, что теперь его грудью будет держаться фронт борьбы с преступностью, нахохлился, точно хомячок, которому в клетку вместо семечки положили пуговицу.

Неделю Желтков, немного очумевший от неожиданного безделья, но с некоторой тревожной вибрацией в душе, приходил в свой кабинет,

садился у подоконника и сидел просто так. Краем глаза наблюдая, как «Вася» пыхтит буквальным образом над материалами о возбуждении уголовных дел, угадывая, как в лотерею, квалификацию того или иного деяния: преступление тут, или не преступление.

— Ничего, Василь Григорьевич, — издевательски сочувствовал ему Желтков. — Пришлют скоро кого-нибудь. Вот меня из штатов выкинут — и пришлют... С материка желающих много на севера за выслугой ехать.

— Вот, вот, — бурчал Ямчук. — А ты о пенсии не думаешь. С твоим возрастом ты бы в сорок лет на пенсию вышел...

— Такие камикадзе, как я, до пенсии не доживают. Я бы к своим сорока годам сам себе бы несколько раз горло перегрыз от злости.

— Характер у тебя плохой, слабый, — уверенно сказал Василий Григорьевич. — А, может, ещё передумаешь. Вон все наши говорят, что ты просто воду мутишь, чтобы тебя наверху заметили...

Перед кабинетом начальника управления Желтков остановился и перевёл дыхание. «Ох, и ругани сейчас будет». — подумал он. Полковник — седой, мрачный, молчаливый татарин, а молчаливых, если прорвёт, они, как вулкан

долгоспящий.

— Так, — произнёс полковник, постукивая авторучкой по ногтю большого пальца и всматриваясь в лицо Желткова. — А просился же на работу сюда перевести?

— Да, — кивнул Желтков.

— А теперь линиять вздумал?

— Да.

— Какую-нибудь мохнатенькую работёнку нашёл?

— Нет, — скучным голосом ответил Желтков.

— А чего же?

— Устал. — Желтков пожал плечами.

— Ну, и катись ко всем чертям, — спокойно, без всякой ругани произнёс полковник. — Следовательно ты — никакой, так, щегол желторотый. — Полковник, что-то припоминая, потёр переносицу. — Хотя... Ну, ладно... А на Чукотку, в Бухту Провидения поедешь? Там отдохнёшь от обвала преступности. Хотя, нет, сопьёшься от безделья. Там у нас недавно одного три дня искали. Уплыл на катере в море на рыбалку — пропал. Наверное, касатка сожрала. Наверное, та касатка долго с похмелья мучилась.

Желтков вяло улыбнулся на шутку начальства, а полковник устало переспросил:

— Может, супруга против?

— Нет. Супруга, наоборот, против.

— Так какого ж дьявола!.. Вон кадры предлагают тебя в ГАИ перекинуть, или в какой другой район...

— Манёвр понятен, — опять скучно сказал Желтков. — Да верну я квартиру, когда уезжать буду.

— А когда намерен уезжать? — заинтересованно спросил начальник.

— А как заработаю на обратную дорогу.

Полковник, опять постучав авторучкой по ногтю, сказал резко:

— Иди! Посиди десять минут в коридоре, подумай. Потом зайдёшь, скажешь свой окончательный ответ.

Желтков вышел в коридор и засёк время на часах. Десять минут протикало, и он опять, постучавшись, зашёл в кабинет.

— И что, надумал?

— Ничего не надумал. Как решил — так и решил, — твёрдо сказал Желтков.

— Ох, и дурень моржовый! — Полковник хряснул кулаком по столу. — Сам себе жизнь ломаешь. Ох, пожалеешь! Пш-шёл вон!.. Зайдёшь в кадры, сдашь удостоверение! — крикнул полковник уже в спину Желткову.

Выйдя на улицу из здания управления,

Желтков словно почувствовал себя свободным воробьём. Чирикай и порхай с ветки на ветку. И по пути в автобусе в аэропорт, и в заблёванном самолётике под музыку АББА из бортовых динамиков, и опять в автобусе до своего далёкого посёлка он чувствовал себя ребёнком в предновогоднюю ночь, солдатом, едущим домой по дембелю. Впереди была другая, радующая своей непредсказуемостью и многообразием жизнь. И в своей квартире, плюхнувшись в ванную, он, как впервые в жизни, любовался радугой мыльных пузырей. А жена на радость Желткова отреагировала очередной истерикой — а ему даже не хотелось бить хрусталь об стену и ломать кухонные табуретки.

10.

По мнению Витьки Пучка теперешняя жизнь Желткова — это сплошной кайф и полная благодать. Третий месяц уже Желтков, как народный герой, жил на государственном обеспечении посредством забот начальника цеха. Приходил раз в месяц расписаться в зарплатной ведомости и показать затягивающиеся розовой кожей свои «браслеты» на руках и «ожерелье» на шее.

— Лечишься? — спрашивал похожий на

ленивого кота начальник цеха. — В больницу не обращался? Ну-ну, лечись. Ещё месяц лечись, а там посмотрим.

Желтков в своём безделье перебрал в поселковой библиотеке все более-менее читабельные книжки. Перечитал даже истрепанные томики приключений для подросткового возраста, брошюры научно-популярной литературы и полное собрание сочинений максима Горького.

В начале полярного лета как-то прямо с утра заглянул Серёга Ланской, позвал на речку жарить всей сменой шашлыки. Сменной бригаде выпал большой выходной в четверо суток, что происходит по нормам труда раз в три месяца.

— Всей сменой гуляем. Погодка прелесть, мяса, водки завались, — весело тараторил Ланской. — Познакомишься с новеньким, вторым дежурным слесарем пока работает. Пучок его обучает. Смехота. Аптекарем новенького прозвали. Он был в поселковой аптеке заведующим. Проворовался, что ли, наверное, его и сняли. Балабол — страшный. И, вообще, Петь, замучились без тебя. Как поутру котёл запускать, муфеля закладывать — так сплошная мука... Пучок, сам знаешь, какой работник, без пинка с места не сдвинется. И аптекарь этот... В самую суматоху может встать буквально с бревном в руках — и анекдот травит... А ещё новость — Рыбачкова

выпихнули по собственному. Что-то он там, в помощниках у дежурного инженера станции не то сраци-она-лизировал. Вот. Осталась от него одна радуха — свисток у машиниста... Давай пошли, подышим чистым воздухом, легкие провентилируем от угольной пыли.

Расположились за окраиной посёлка на берегу горного ручья, который назывался речкой. Натаскали дровишек из ближней тайги, разожгли костёр. Погода, действительно, была прелесть. Небо сделалось голубым и высоким, пахло цветущими соснами. На фоне угрюмых, накупленных сопок возвышались по-кавказски горделиво вечно снежные вершины Хребта Черского. От костра тянуло запахом дыма можжевеловых веток.

Новый член сменной бригады Лёша Толстиков поздоровался с Желтковым, будто со старым знакомым, выразив своим полуобъятием после рукопожатия высшую степень уважения. Коренастенький, упитанный он, действительно, оказался неугомонно болтлив.

— Сейчас мы изготовим королевский напиток, — с загадочным намёком пояснил он, доставая из своей сумки какие-то пузырьки. — Даже только ради этого рецепта стоило учиться на фармацевта.

— Не отравишь? — сурово спросил Стаханов.

— Иван Иванович, что ты, дорогой. Такой вкус запоминается на всю жизнь. Амброзия, высшая степень качества. Давайте сюда всю водку...

Оказывается, в посёлок уже завезли настоящую, отечественную, родимую, может, и из опилок, но не из этого тошнотного вьетнамского риса. Аптекарь в каждую распечатанную бутылку накапал поочерёдно из трёх пузырьков, заткнув пальцем горлышко, встряхнул, понюхал из одной бутылки и восхищённо закрутил головой.

— Настойка боярышника, настойка лимонника китайского и немного сиропа шиповника — объяснил он.

— А поноса не будет? — поинтересовался Пучок, сидевший без дела, потому что жарение шашлыка машинисты Стаханов и Сашка Мишин ему не доверяли. Витёк взял на себя обязанность по охране бутылок с «амброзией», составил их в кучку и обложил вокруг галечными булыжниками. Потянув воздух носом, Витёк сказал уверенно: — Пожарились уже. Можно начинать.

— Ты бы такой нюх на работе проявлял, — ответил ему от костра Стаханов. — Без Петьки опять зашелдыберничал...

«Благодать», — обобщенно о текущих в

голове мыслях подумал Желтков, лёжа на тёплом галечнике с пробивающейся зелёной травкой. Голубое, высокое небо после мучительно-долгой полярной ночи словно открыло какой-то простор, напомнило о необъятности жизни в её разнообразии впечатлений.

— Братва, навались! — крикнул Стаханов, как будто главный распорядитель на этом банкете.

Уселись вокруг костра, как аборигены времён ледникового периода. Серёга Ланской, дожидая очередную порцию шашлыка, сказал критически:

— Всё-таки у этой австралийской баранины вкус не тот, что у нашей родной баранины. У нас в деревне как заделаешь шашлычок в огороде из своего барашка — аромат, родиной пахнет.

— Это потому, что в Австралии бараны другую траву едят, — авторитетно заявил Аптекарь. — От травы и вкус другой.

— Нет, — сказал Иван Иванович, — это пока довезут до нас, переморозят в дороге в рефрижераторах, вот вкус и теряется.

— А я как-то с одним знакомым бичом шашлык из собачатины жрал, — вставил своё мнение Пучок. — Вкус такой же.

— А я вот пробовал шашлык из китового мяса. Это кореш у меня на китобойной флотилии работал, — сказал Стаханов, — им китятину выдавали при расчёте. Шашлык из неё — такая

гадость.

— А что ни говори, самый лучший шашлык из свинины, — сказал Сашка Мишин. — А вот этот напиток, что аптекарь сварганил, — Сашка почмокал губами, — правда, прелесть. Такого никогда не пил.

Вся сменная бригада поддакнула в согласии, и Лёшка Толстиков аж зарделся лицом от похвалы и принялся хвастаться другими аптекарскими познаниями.

Желтков пересел поближе к Стаханову, спросил, уже расслабленно от выпитого:

— Иван Иванович, вот ты сказал про китобойную флотилию. Как туда можно на работу пристроиться? Что-то меня давно тянет на эту романтику...

Стаханов хмыкнул и похлопал покровительственно Желткова по плечу.

— Какая-токая там романтика. Сортиры чистить — и то интереснее. Грязь, вонь, бардак, так ещё и жизнью рискуешь. Да и закрыли давно китобойный промысел. Китов бить запрещено теперь.

— Ух, ты, — удивился Желтков. — А я и не знал даже. Всё у меня последнее время такая мечта была...

— Какие-то у тебя мечты идиотские, —

усмехнулся Иван Иванович, — С твоим-то образованием. Можно сказать, из капитанов корабля проситься в палубные матросы. Так тебя и в дурилку определить могут когда-нибудь.

— Вот-вот, — кивнул, улыбаясь Желтков. — Когда я уволился и устроился в кочегары, все мои бывшие коллеги однозначно решили, что у меня крыша поехала.

— Так и мы, откровенно говоря, всей сменой о тебе так думаем... Только ты не обижайся, — Стаханов внимательно посмотрел на Желткова. — Парень ты — стоящий как человек, как мужик... Но объяснить тебе, так сказать, по уму?.. Есть два варианта. Как мы решили: или ты — агент ЦРУ, или, правда, чокнутый...

— А почему, ЦРУ? Скорее, КГБ?

— Не-е, — замотал головой Стаханов и добавил уверенно: — На агента КГБ ты не похож. Так вся смена решила.

— Значит, чокнутый, — засмеялся Желтков и крикнул по удалому Сашке Мишину: — Сашок! Запевай нашу, кочегарскую!

Клевавший носом Сашка встрепенулся и затынул сразу подхваченный всей бригадой куплет:

Товарищ, я вахту не
силах стоять,
сказал кочегар

кочегару-у-у...

С какого места начинать песню, коллектив выбирал стихийно, в зависимости от настроения текущего момента.

... Огни в моих
топках уже не горят,
и нету в котлах
больше пару...

11.

Начальник цеха, точно ленивый кот, потревоженный громким звуком, потряс головой, прочитав заявление Желткова, и, возможно, незаметно под пиджаком вздыбил шерсть.

— Какого-этого чёрта? Зачем увольняться? Мы, в общем, наметили тебя в профсоюз. Сначала — цеха, потом — всей станции. Согласовано на высоком уровне... Авторитет в коллективе у тебя имеется, образование — имеется. Зачем увольняться?..

Желтков со смехом рассказал об этом своей смене, когда притащил им водки и закуски

отметить свою отвальную. Из бригады никто не засмеялся, хихикнул только Аптекарь. Остальные смотрели на Желткова взглядом экспертов врачебной комиссии, освидетельствующие молодого солдата, собравшегося косить под дурачка. Супружница Желткова тоже, покрутив пальцем у виска, сказала спокойно и устало:

— На диплом свой ставлю чайник — не хочу я быть начальник... Чушь какая. Я никуда уезжать не собираюсь. У меня идёт карьера...

— Карьера! — рявкнул, заводясь в психованность, Желтков. — А мне просто хочется жить, чтобы не было скучно, чтобы было, что вспомнить в этой жизни...

— О-о, господи, как я устала... Чёрт бы побрал вас, сударь, вас и всех странствующих рыцарей вместе с вами.

Заплакал сын, жена забилась в угол дивана и демонстративно молча пощипывала кончики на прядках волос.

Длинные, летние дни с белыми ночами незаметно перетекали один в другой. Желтков бродил по тайге с мелкокалиберной винтовкой, когда-то подаренной ему одним старым участковым с далёкого прииска. С ним Желтков любил философствовать на разные темы, когда выезжал в те края на происшествия. У старого участкового

было лицо похожее на прошлогоднюю картофелину и множество вопросов философского порядка. А оружия, изъятого и неучтённого, у него имелось тьма.

Настреляв глупых куропаток, Желтков сдирал с них рывком кожу вместе с опереньем и коптил на костре из можжевельника. Когда закончились мелкашечные патроны, принялся собирать грибы, сушить их на окне в квартире, нанизав на нитку.

— Провизию запасаете? — ехидничала супружница. — Люди нормальные с Севера машины и гарнитуры привозят. А мы — сушеные грибы и копчёных куропаток... Как я устала, как я устала, — говорила она театральным голосом, с каким-то скрытым коварным смыслом.

В конце августа погода на колымской территории коварная. Днём может быть плюс двадцать, а ночью — минус десять. Лужи покрываются льдом.

Хрустя тонким льдом на мелких лужах, торопливым шагом двигались к автобусной станции. Супружница Желткова семенила впереди, как под конвоем. Вот на Север, подумал Желтков, её гнали подзатыльниками под причитания родни, а обратно — под конвоем, бабы — дуры... Хрумкая толстым льдом на глубоких лужах, подкатил

рейсовый автобус.

Переваливаясь по рытвинам грейдера, автобус вырулил на трассу. Сынок в вязаной шапочке, шнурки бантиком под подбородком грустно смотрел в окно. Тоже грустно Желтков тоже смотрел в окошко автобуса. За лысой сопкой скрылся посёлок, виднелись лишь верхушки четырёх труб электростанции, из которых прямыми столбами поднимался белый дым и растворялся в белёсом, предосеннем небе. Почему — то пришли на ум слова кочегарской песни «А волны бегут от винта за кормой. И след их вдали пропадает...». И хотя было радостно, оттого что впереди новая жизнь, новые впечатления Желткову, всё равно, было грустно, что позади тоже была жизнь, тоже были впечатления. И всё это исчезнет в памяти, как след винта за кормой.

Территория

(рассказ)

Аркагала — назвали этот распадок древние эвены — Долина смерти.

По Долине смерти вьется, петляя, горная речка-ручей Мяунджа — Золотое сердце.

Междуречье Колымы и Индигирки — второй по не исследованности, после бассейна Амазонки, регион Земного шара, и первый по губительным для человека условиям жизни. По этим местам проходит семисотый километр Колымской трассы, построенной по технологии древних египтян обмороженными руками людей, ставших рабами созданного ими же государства.

Глухая тишина. Как в запаянной пробирке. Окруженный с двух сторон крутыми отрогами сопок, занесенный снегом и припорошенный угольной пылью, погружается в полярную ночь колымский поселок Аркагала. На заборах, крышах, телеантеннах — высокие шапки снега. Снег падает вертикально вниз, не кружась и не порхая, а дым из печных труб и из трубы поселковой кочегарки поднимается прямым столбом к черному небу без звезд. Где-то на трассе гудит грузовик-углевоз, потрескивает лед на промерзшей до дна речке — и больше никаких звуков. Тихо-тихо.

В неказистом домишке на окраине поселка, у самого кладбища, живет старинный колымчанин Саша Самвелян. Всего богатства у него — этот вот домик с продавленной крышей, сын в далекой Армении, да семьдесят два года прожитой жизни. Прожитой открыто и прямо жизни, как у дерева на

голой скале. Может быть, сам о себе он так не думает, а если и думает, то другим не рассказывает. Кому это интересно, да и, вообще говоря, нужно.

В поселке говорили, Саша Самвелян — самый дисциплинированный трудящийся: ни свет, ни заря, праздник ли, воскресенье, он всегда на трудовом посту, санитар природы. Идет, прихрамывая, за его сутулой спиной мешок со стеклотарой, на веревке — санки со всяким выброшенным кем-то барахлом, из которого Самвелян смастерит потом что-нибудь пригодное для хозяйства. Его так и зовут в поселке — Саша Самвелян, несмотря на почтенный возраст.

Вероятно, это с тех времен пошло, когда еще много было в живых его ровесников. А теперь — мало.

«Александр Карапетович» — написано в паспорте, выданном в пятьдесят четвертом году, в начале «эпохи реабилитанса». На фотографии — сорокалетний мужчина с изможденным лицом старика, с большими, грустными, как у оленя, глазами. Паспортные страницы — засаленные и замохренные, видно, множество пальцев тщательно переворачивали эти страницы, выискивая то, что предназначено не для простого взгляда. Паспорт был устаревшего образца и, когда поселковый участковый напоминал, уж в который раз, что это

непорядок и документ нужно обменять на новый, Александр Карапетович согласно кивал и спрашивал: «А что, со старым-то документом на тот свет не пропустят? Указ, что ли, такой есть?»

С утра Александр Карапетович отправляется по своему обычному маршруту. Пока рано и темно и никого нет на улицах, он успевает сделать пару рейсов с углем, собрав его с полмешка на дороге, где ходят груженные углевозы. Потом — к поселковому универмагу. Здесь на заднем дворе в куче сломанных ящиков и битого стекла можно набрать гвоздиков, дощечек разных, найти эмалированную кружку, забракованную из-за потери товарного вида или треснутую тарелку, еще пригодную для хозяйства.

— Эй! Кто это там роется?! А ну, марш отсюда! — услышал Самвелян пронзительный женский голос.

На крыльце служебного входа стояла директор магазина, коренастая женщина с темно-смуглым мужским лицом.

— Еще рано, — спокойно сказал Самвелян. Он был привыкший к такого рода крикам и научился реагировать на них по-своему.

— Почему рано?.. — непонимающе переспросила директор поселкового универмага, уперев руку в бедро.

— Кому рано — а кому пора.

— Что рано?.. Что пора?.. Чего буровишь, идиот старый?..

Самвелян этим временем завязал мешок и пошел со двора.

Скрипит снег под резиновыми подошвами войлочных ботинок, бредёт Самвелян, втянув голову в сутулые плечи, изредка откликается на «привет» встречных знакомых, а когда и не отвечает, не обращая внимания и пребывая в угрюмой задумчивости.

Сереет утреннее небо, восточные сопки засветились по верхушкам слабо-розовым цветом.

Самвелян свернул к поселковому автовокзалу, блочному зданию на куриных ногах бетонных свай. Проект нового автовокзала не предусматривал туалета и поэтому основания свай за зиму обрастали толстослойными желтыми наледями и, в самом деле, были похожи на куриные лапы. Одно

время Самвелян работал здесь уборщиком, потом узнал, что упирается за двоих, а вторую ставку получает вместо него кто-то другой. В смысле, этот «кто-то» тайны для поселка не представлял: знали, что секретарь поселкового Совета Шурумова оформила свою дочь, чье тонкое воспитание, однако, не позволяло ей мести шваброй заплеванной пол. Самвелян сказал по этому поводу: «Ищите кого подурнее», — и уволился. Никого дурнее поселковые власти не нашли и с тех пор Аркагалинский вокзал славился по всей трассе сверхмерной степенью загрязненности.

Зато порожней посуды на автовокзале можно было набрать два мешка за день. Правда, в поселке хватало и других охотников за «пушиной», не все доставалось Самвеляну, хотя и вокзальная кассирша, по-доброму к нему относившаяся, шугала, по возможности, его конкурентов.

Наметанным взглядом, войдя в зал ожидания, Самвелян прострелил пространство под рядами деревянных кресел. В некоторых местах на слое окурков блестели стеклянные бока бутылок. Народу в зале было немного, человека два-три. В углу, прижавшись спиной к батарее, дремал парень в странно выглядевшем для этого сезона и этой местности осеннем пальто. Самвелян прошелся по

рядом и, позвякивая содержимым мешка, приблизился к парню в углу, у ног которого стояла пара молочных бутылок.

— Намусорили-то как, — укоризненно покачал головой Самвелян.

Он отодвинул ногой чемодан парня и с кряхтением нагнулся за своей добычей, взял в руки, осмотрел их горлышки.

— Извините, — сказал парень и потер перчаткой красный от холода нос. — Это мои бутылки. Просто здесь нет урны, чтобы их выкинуть.

— Урны нет, — хмыкнул Самвелян. — Бутылки-то тебе не нужны?. Ну так я их сам, того... выкину... Намусорили-то, намусорили, мать честная.

Он направился к выходу, но по пути, что-то надумав, развернулся и снова подошел к парню.

— Что? — спросил он грубовато. — Со вчерашнего дня тут сидишь?..То-то, я гляжу, примелькался ты мне.

— Автобуса нет, — парень стеснительно улыбнулся. — Опаздывает, говорят.

— Значит, перевал занесло. Этак можно и неделю тут проторчать... Что, и переночевать не у кого?

— Не-а, — по-мальчишески мотнул головой парень. — Я сюда по направлению, на работу. А мне говорят — нет уже той вакансии. Вот. Поеду назад. В управлении, говорят, найдут мне другое место.

— Говорят-говорят... — проворчал Самвелян. — Ты меньше слушай, что говорят... Ну так, если не к кому идти, пошли ко мне.

Парень, совсем не ломаясь, быстро согласился, видно, здорово осточертел ему грязный, холодный зал ожидания. Он поглубже напялил шапку, взял чемодан.

— Холодно у вас тут. Март месяц, а смотри-ка, какие морозы, — сказал он для завязки разговора.

— Да, морозы у нас смертельные, — кивнул Самвелян. — Зовут тебя как?

— Алексей... А вас?

— Нас зови просто дедом. Все так зовут, уж лет тридцать дедом хожу... Давай-ка, Алексей, по пути в магазинчик заскочим. Гостей, если не ошибаюсь, кормить надо.

В магазине купили в складчину консервов, хлеба, сахара, пакет вермишели. Сложили все это в короб, приделанный к салазкам Самвеляна. После этого Алексей еще раз сбегал в магазин и принес две бутылки сладкого вина, при виде которого на лице деда изобразилось что-то наподобие снисходительной улыбки.

— Что, Саша, никак кто из родственников приехал?

На заледенелом крылечке стоял пожилой мужчина крепкой фигуры в черной шинели стрелка ВОХР. Самвелян оглянулся на него и коротко ответил:

— Нет.

— Как на бутылки нонче — урожай? Или — хреновато? — с усмешкой спросил мужчина, широко расставив ноги в меховых сапогах, стянутых по верху голенищ ремешками.

— Урожай, — буркнул Самвелян.

— А мне вот пенсия вышла, — с заметным

хвастовством проговорил вохровец. — Можно теперь со спокойной совестью, так сказать, на заслуженный отдых. Но, решил, поработаю еще, здоровьишко позволяет, да и работёнка — не пыльная.

Самвелян крикнул, покрутил головой.

— Значит, со всех сторон благодать? И совесть спокойная, и отдых заслуженный, и здоровье в норме... Надо же!..

— Угу, — улыбнулся сытой улыбкой мужчина в шинели. — Человек с мозгой нигде не пропадет. А на обиженных... вон, всякую помойку возят.

Самвелян, не дослушав, отвернулся. Дернул за веревку санки и пошел прочь большими шагами. Алексей догнал его и, заглядывая сбоку лицо попутчика, спросил заискивающим голосом:

— Что это вас так расстроило?.. Кто-нибудь из ваших знакомых?

— Из знакомых, — подтвердил Самвелян. Его седые усы с сосульками на концах сердито растопырились, как у злого моржа. Глубоко запавшие глаза казались злыми зверьками, спрятавшимися в норки. — Два года вместе на нарах валялись. Падла продажная, полицай

фашистский...

Лицо Алексея удивленно вытянулось, он непроизвольно замедлил шаг, потом и вовсе остановился, опустил чемодан на снег. Дед в своем бурчании, не замечая, что попутчик отстал, прошел еще метров десять, потом обернулся назад и тоже остановился.

— Что стал?! Иди скорей! — крикнул он и притопнул войлочным ботинком. — А-а, — понятливо протянул Самвелян, — испугался, что бывший зэка тебя в гости зовет. Ну так что с того, у нас тут недавно каждый второй из тех был, кто прибыл сюда по комсомольской путевке военного трибунала. Такая уж у нас территория. — Самвелян улыбнулся подошедшему Алексею. — Вот этот боров в шинели, хоть и пенсию получил, а права выезда на материк не имеет. Мне же, к примеру, хоть завтра езжай. Или вот завхоз на шахте — образованнейшая баба, любовница Степана Бендеры, два языка знает. Лет пять назад дело было: подала она заявление о приеме ее в партию... Ну и чуть не приняли. О чем это говорит? Это говорит о том, что время все грехи отмывает, шлифует человека, как корявый камень волной. Все прощается... А что не прощается, то забывается. Эх-хе...

Самвелян досадливо прокряхтел, как будто недовольный такой закономерностью жизни...

Они свернули на последнюю улицу поселка. Та, что ведет к домику Самвеляна и, одновременно и направлено, к кладбищу. По улице двигалась похоронная процессия: впереди грузовик с бортами, обшитыми кумачом, за ним малочисленная группа с крышкой гроба и венками.

— Кого ж это Бог прибрал? — сам себя спросил Самвелян. — Что-то не разберу, кто вдова?.. А может, вдовец?

— Самвелян, ты своей телегой весь тротуар перегородил! — слышался сзади начальственный басок.

Сзади оказался высокий мужчина в распахнутой шубе, лохматой лисьей шапке набекрень. Он спешаще топтался на месте, не зная, с какой стороны обойти нагруженные санки деда по узкой протоптанной в снегу дорожке.

— Ох уж и тротуар, — хмыкнул Самвелян. — Двум кошкам не разойтись. Вон, перли бы по дороге, коли здесь тесно.

— Без указчиков как-нибудь, — высокомерно бросил мужчина и попытался перепрыгнуть санки, но получилось неловко, и он чуть не свалился в снег. Сорвавшись с баса на петушиный тенор, пригрозил: — Ты бы поостерегся, Самвелян. И так сквозь пальцы смотрю на твое паразитическое существование... Вот выселю тебя, тогда узнаешь. — И он побежал по тропинке как-то боком, правое плечо вперед.

— Куда ж вы меня выселите?! — крикнул вслед Самвелян. — На Северный полюс, что ли?.. Вот ведь шалопут, — Самвелян посмотрел смеющимися глазами на Алексея, — а еще начальник поселка, председатель. Три срока уже сидит в кресле, знает, видать кому угодить, с кем на «ты», а с кем на «вы» разговаривать. Видишь, вон как бежит? Будто самолет в вираже. Верная примета — раз правое плечо вперед, председатель наш под мухой... Эка как спешит. Это он речь толкать над могилой. Любит он это дело, да и для авторитета выгодно.

— Он что, тоже из тех? Ну, которые по трибуналу? — осторожно спросил Алексей.

— Он-то?.. Нет. Молодой, не успел. В этом отношении он человек чистый... Хотя, может быть,

для его же пользы не мешало бы года два подержать его за проволокой. — Дед снял рукавицу, пальцами счесал с усов ледышки, ковырнул мизинцем в носу и сказал расстроено: — Вот ведь даже интересно получается. Только покажешься в поселке, обязательно какой-нибудь паршивец настроение испортит... Как-то так люди по-сволочному устроены

Входная дверь домишки, когда-то оббитая клеенкой, от которой остались только клочки под гвоздями, перекосилась вместе с дверным косяком и открывалась не до конца. Алексей протиснулся за хозяином в темные сени, в сенях была еще одна дверь — щелястая и скрипучая, за ней — еще одна, уже приличная с виду, а за ней — комната. В комнате замерзшее лицо Алексея обдало теплым воздухом, пахло вареной картошкой, сухими травами и чем-то резиновым.

— Раздевайся, приятель. В доме моем тепло, печь с утра протоплена. Вот, как видишь, никаких удобств, но жить можно.

Раздевшись, Алексей стеснительно присел на широкую самодельную кровать, покрытую толстым суконным одеялом, потер щеки, потом посмотрел на красные, как обваренные, кисти рук, сунул их подмышки.

— Сейчас, сейчас оттаешь, — бурчал хозяин, сам не раздеваясь и взясь по хозяйству. — Люди для меня — гости редкие. Все больше собаки бродячие забегают. Я их подкармливаю, они и повадились, помнят, твари, добро. А то и медведь забредет. Такая у нас территория... В том году, правда, жила у меня одна деваха. Такая, знаешь, беспутная, из тех, что на трассе шофера «заплечными» зовут. Подобрал эту дуру в переулке, почти до смерти замерзла. Я ее притащил сюда на санках, разложил на полу, разгонешил всю, два тазика снега на нее вывалил и давай тереть, что было сил. Потом чаем ее горячим с горной малинкой... Из рук поил, понимаешь, ее так ломало, кружку не могла в руки взять, в голос вопила... И что на второй день — как ветром сдуло. Побежала на бензоколонку к шоферам в кабинку проситься. Вот ведь... — дед, сплюнув, покачал головой.

Сноровисто, не суетясь, иногда покрхтывая по-стариковски, Самвелян заправил дровами печку, принес выпиленный брусок льда, набил им большую кастрюлю и медный чайник, сложил в углу разбросанные суконные заготовки для тапочек и подмел веником пол. Седые космы волос до плеч, тоже седые, но с прочернью, пушистые

кавалеристские усы, черные брови в палец шириной, рубец шрама через морщинистые складки лба и живые, шмыгающие, как горностайки, блестящие глаза.

«Ему бы еще шляпу с пером и ботфорты — чистый пират с книжных картинок», — улыбнулся своим мыслям Алексей.

— Ну, ты отогрелся? — спросил дед. — Давай тогда, завари эти макароны, — он показал на коробку вермишели, — а как сварится, брось туда этих рыбочных консервов. Я во дворе пока управляюсь.

Через приоткрывшуюся дверь с кладбища донеслись звуки похоронного марша. Алексей поежился от этих звуков и неуверенно направился к плите. Он никогда не увлекался кулинарией, поэтому сначала ознакомился с инструкцией на упаковке, потом искал посудину, в которой можно было бы заварить вермишель. Тут уже вернулся сам хозяин и взял дело в свои руки.

— Вы один живете? — вкрадчивым голосом поинтересовался Алексей, наблюдая, как дед ухнул в большую кастрюлю всю пачку вермишели. Чугунные конфорки раскалились до малинового

цвета и бывший лед в кастрюле кипел, надуваясь пенными пузырями.

— Один, — кивнул Самвелян.

— Один, да к тому же совсем рядом с кладбищем, — покачал головой Алексей, — наверное, жутко?

— Жутко? — усмехнулся дед. — Жутко что? Что рядом с мертвыми? Нет, это не жутко, в эту сторону не жутко, а вот в ту, — он показал пальцем на поселок, — жутко. Мертвым рядом с живыми... Но, что ж, кого винить, сам так выбрал. Теперь живешь, как будто... как будто смотришь на жизнь с того света...

Дед, точно поперхнувшись словами, закашлялся, махнул ладонью и отвернулся к плите. Алексей почувствовал себя в чем-то виноватым. Прошелся по комнате, обвел глазами стены с облупившейся побелкой, густо обклеенные журнальными вырезками, на которых блистали сквозь запыленный и засиженный мухами глянец бравые генералы и маршалы в орденах, с шашками, на конях и просто так, в кабинетных креслах.

— У вас, наверное, была тяжелая жизнь? —

спросил он, зная, что такие вопросы нравятся старикам.

— Обыкновенная, — буркнул дед, помешивая лапшу.

В его интонации была заметна смесь раздражения и неискренности, и Алексей решил, что в здешних краях, видимо, какие-то особые правила разговора, такие, по которым не разрешается первым встречным приставать с душевными расспросами. Но и молчать, вроде бы, неудобно.

— А завтра, как по-вашему, будет автобус? — спросил Алексей о нейтральном предмете. — Тащился сюда, двое суток добирался, а напрасно, оказалось.

— Почему ж напрасно. Работу можно найти, — добрым голосом сказал дед. — Да и автобус завтра должен быть. Они, если и встали на перевале, то трактором подсобят, и вылезут. Завтра должны быть.

— Хотелось бы по специальности устроиться, маркшейдером, — вздохнул Алексей. — Работать на той работе, которую знаешь, которой учился.

— Ох, ты, — сказал дед, раскладывая уже

готовую вермишель по алюминиевым мискам. — Мне вот что только ни приходилось делать, какой работе ни учиться заново. Так, по-моему, и не бывает, чтобы все по задуманному выходило: работать всю жизнь по одной специальности, жить всю жизнь на одном месте... ну, и все такое.

— Почему ж не бывает?! — громко удивился Алексей. — Я, вон сколько таких случаев знаю.

— Да-а, — протянул Самвелян, вроде бы смутившись. — Ну, может быть, у кого-то так получается. Редко, наверное?

— Сплошь и рядом, что вы! — Алексей посмотрел на деда как на сверхнаивного человека.

— Поди ж ты, — ехидно усмехнулся Самвелян. — Еще скажи, что и счастливых людей встречал?

— А что! — опять удивился Алексей. — Вы думаете, это такая редкость... Мои родители, например, счастливые люди. Я — тоже, в общем, счастливый человек. А что, да... у меня, в общем, все нормально, исключая всякие там мелкие неувязки... Да много таких, поверьте мне. Честное комсомольское...

Самвелян, глянув на Алексея прямо-таки распахнутым взглядом, громко засмеялся, ощерив беззубый рот с двумя одинокими крупными и жёлтыми по-лошадиному зубами.

— Ишь ты, прямо получается: «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...». Даже «честное комсомольское»... Ух, ты... Мальчуган, жизнь тебя ещё научит как то намётом, то галопом преодолевать жизненные препятствия... Держись в седле крепче, Алёша.

Самвелян уже разлил в две кружки тягучий зелёный ликер, сделал из своей кружки крупный глоток и принялся за вермишель, сдобренную килькой в томате. Его гость всё сидел, уставившись на собеседника круглыми карими глазами.

— Не понимаю, — замотал Алексей головой. — Верней, понимаю, что вы, вероятно, хлебнули горя, несправедливости, у вас шрамы на сердце, как говорится, и тому подобное... Но, с другой стороны, вы никак не можете не заметить, что люди вокруг вас действительно живут настоящей, полнокровной, счастливой жизнью...

И тут Алексей резко осекся. Ему показалось, что дед должен сейчас люто обидеться, вспылить, заругаться, затопать ногами в обрезанных валенках, замотать кудлатой пиратской головой и, как результат, выгнать его из дома обратно в холодный, мерзко-грязный зал ожидания на автовокзале.

Самвелян медленно поставил свою кружку, медленным жестом приложил сложенную пригоршней ладонь к морщинистому лбу и с минуту просидел в такой позе без движения. Затем прокряхтел, будто через силу:

— Хе-хе... Пей вон свое винцо, да ешь поболе.

Некоторое время слышалось только мягкое чавканье перемешиваемой вермишели, да скрежет пары ложек о стенки мисок. Хозяин и гость молчали, потом дед встал и принес из сеней две поллитровых банки с вареньем. Сам заварил чай, несколько раз перемешав сухую и запаренную заварку, налил в кружки крепкого, цвета олифы, напитка.

— Вот смородина, наша, колымская, вот жимолость, — показал Самвелян на банки. — Угощайся без стеснения. Ну, чего затаился? Я верю, верю, что ты счастливый... Потому что молодой и глупый еще, и мало чего тебе от жизни надо. — Он опять, как-то по-дьявольски, сказал свое «хе-хе».

В свою очередь, Алексей для разрядки напряженности решил повернуть разговор опять на нейтральную тему.

— У вас прямо коллекция военачальников, — он обвел глазами стены. — Вон Буденный, Ворошилов, Сталин... Вон... кажется, Блюхер...

— Тухачевский, Егоров, Гай... — добавил дед. — Вон маршал Жуков, вон мой товарищ и командир Рокоссовский...

— Ваш товарищ? — снова громко удивился и с некоторым сомнением посмотрел на деда Алексей.

— А что тут такого невероятного? Мы почти одногодки и вместе служили.

Самвелян прошел в дальний угол комнаты, открыл деревянный сундук и вытащил оттуда завернутую в желтую газету коробку. Перебрал в коробке фотографии и взял одну, на которой, как и на журнальной вырезке, запечатлелись усы, шашки, лошади.

— Вот это — я, — показал дед на молодого военного с тремя шпалами в петлицах, со смоляными стрелками усов. — А вот и Костя Рокоссовский... Видишь, как улыбается во весь рот, во все свои зубы... еще не золотые, не выбитые...

— Ну-у, — восхищенно протянул Алексей. — Вы военный были? С орденом?

— Боевого Красного Знамени, — сухо, как скрип старого стула, пояснил Самвелян. — И

именное оружие с золотой насечкой... Был такой красный боец Саша Самвелян, в семнадцать лет — лихой рубака, в двадцать четыре — brave комбриг.

— Вы-ы?.. А как же... все это? — Алексей со страдающим выражением лица показал почему-то на банку с вареньем. — Репрессировали, да? — таинственным шепотом спросил он.

— Летом тридцать девятого. Сразу же после полевых учений. Не успел даже коня своего расседлать... Он так и бежал за машиной, на которой меня увозили. Да, как все ясно помнится, будто неделю назад... И знаешь, за что? — дед хитро сверкнул одним глазом.

— Ну? — с требовательным азартом спросил Алексей, хотя уже заметно осоловел от тепла, от еды и сладкого питья. — Ну, за что?

— За то, что продал свою родную мать за стакан семечек...

— Ну-у.

— Что «ну»... Разнукался, будто кобылой правишь... Продал, говорит мне один гад с прилизанным чубчиком, свою родину за шестьсот английских фунтов. И сейчас стоит он передо мной: живот мячиком под френчем, губы мокрые платочком вытирает, потом пуговичку на кителе расстегивает и прячет туда платочек. Через секунду опять пуговичку расстегивает, платочек достает и

губы вытирает... Много чего он мне говорил Вот, помню, платочки у него были трех цветов: розовый, голубой и зелененький... И три пункта статьи прилепил он мне, в конце концов. После всего этого пригнали меня сюда, сказали: до самой смерти, тут, мол, и умру, тут и закопают в вечной мерзлоте...

— Но не умерли же! — торжествующим голосом сказал Алексей. — Пережили все испытания, все трудности. Настоящий, стойкий человек всегда победит. Ведь, правда?

Заварка кончилась. Дед добавил в заварник кипятку, убрал в угол опорожненную бутылку ликера, поставил на стол вторую. За окном быстро чернело, склоняясь к вечеру, колымский день.

— Не правда, — дед, посмурнев лицом, мотнул головой. — Почему это ты, Леха, во всем так твердо уверен?.. Если человек существовал в нечеловеческих условиях, разве он останется нормальным человеком? По моим мыслям выходит так, что тот, кто не вынес унижения и умер — тот остался человеком, настоящим. А кто после всех унижений продолжал жить — уже не тот человек, поломалось у него внутри настоящее, человеческое.

— Не-е... Если человек выше обстоятельств,